

ВЕСТНИК ИНСТИТУТА ПРАВА Башкирского государственного университета

Сетевой научный журнал

№ 3 2021

Учредитель

ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет»

Издатель

ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет»

Редакционный совет журнала:

**Председатель редакционного совета
И.А. Макаренко**

доктор юридических наук, профессор,
заведующая кафедрой криминалистики,
председатель Центральной избирательной
комиссии Республики Башкортостан (Уфа).

**Заместитель председателя
редакционного совета**

А.Б. Галимханов

кандидат юридических наук, доцент кафедры
криминалистики, проректор Башкирского
государственного университета
по учебно-методической работе (Уфа).

Члены редакционного совета:

Г.М. Азнагулова

доктор юридических наук, профессор Института
законодательства и сравнительного
правоведения при Правительстве РФ (Москва);

Ф.Г. Аминева

доктор юридических наук, доцент, профессор
кафедры криминалистики (Уфа);

Н.Н. Арзамаскин

доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой теории и истории
государства и права Ульяновского
государственного университета (Ульяновск);

М.М. Бринчук

заслуженный деятель науки Российской
Федерации, доктор юридических наук,
профессор, заведующий Сектором
эколого-правовых исследований ИГП РАН,
Институт государства и права РАН (Москва);

А.В. Варданян

заслуженный деятель науки Российской
Федерации, доктор юридических наук,
профессор, начальник кафедры криминалистики
и оперативно-разыскной деятельности, ФГКОУ
ВО РЮИ МВД России (Ростов-на-Дону);

Е.Л. Васянина

доктор юридических наук, доцент, заведующая
кафедрой финансового права
Санкт-Петербургского государственного
экономического университета (Санкт-Петербург);

Н.Д. Вершило

доктор юридических наук, доцент, профессор
кафедры земельного и экологического права
Российского государственного университета
правосудия (Москва);

Р.Х. Гиззатуллин

доктор юридических наук, доцент, профессор
кафедры финансового и экологического права (Уфа);

Леруа Кристоф

доктор права, профессор
Университета Перпеньян (Франция);

Т.И. Макарова

доктор юридических наук, профессор
Белорусского государственного университета
(Минск, Республика Беларусь);

Р.В. Низматуллин

доктор юридических наук, профессор, заведующий
кафедрой международного права и международ-
ных отношений (Уфа);

В.П. Сальников

доктор юридических наук, профессор, главный
редактор журнала «Юридическая наука: история и
современность» (Санкт-Петербург);

Н.А. Саттарова

доктор юридических наук, профессор, заведующая
кафедрой финансового и экологического права (Уфа);

А.П. Семитко

доктор юридических наук, профессор
Гуманитарного университета (Екатеринбург);

А.А. Тарасов

доктор юридических наук, профессор, заведующий
кафедрой уголовного права и процесса (Уфа);

Ш.В. Тлепина

доктор юридических наук, профессор
Евразийского национального университета
им. Л.Н. Гумилева (Астана, Казахстан);

Е.М. Тужилова-Орданская

доктор юридических наук, профессор, заведующая
кафедрой гражданского права (Уфа);

А.А. Эксархопуло

доктор юридических наук, профессор, профессор
кафедры криминалистики (Уфа);

Р.Г. Юсупов

доктор исторических наук, профессор, профессор
кафедры государственного права (Уфа);

Л.Ш. Гумерова

кандидат юридических наук, доцент, доцент
кафедры государственного права (Уфа);

Р.И. Зайнуллин

кандидат юридических наук, доцент, доцент
кафедры криминалистики, директор Института
права (Уфа);

М.Б. Кострова

кандидат юридических наук, доцент, профессор
кафедры уголовного права и процесса (Уфа);

О.М. Крылов

кандидат юридических наук, доцент, заведующий
кафедрой государственного права (Уфа);

З.А. Юсупова

кандидат филологических наук, доцент кафедры
международного права и международных
отношений (Уфа).

Редакционная коллегия**Главный редактор**

Ф.Х. Галиев, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры теории государства и права,
заведующий кафедрой теории государства и права.

Выпускающий редактор**О.И. Макова**

начальник Научно-инновационного центра Института права.

Редактор англоязычных текстов**Н.М. Мухаметгареева**

кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры международного права
и международных отношений.

Технический редактор**А.В. Бабенкова**

Электронная почта редакции vest-law@yandex.ru; тел. (347)228-90-30.

Выписка из реестра зарегистрированных СМИ:

ЭЛ № ФС 77-72664 от 16.04.2018

СОДЕРЖАНИЕ**ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА;
ИСТОРИЯ УЧЕНИЙ О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ****Бредихин А.Л.**

Идеологическая функция государства в коммуникативной среде 7

Зырянов А.В., Петров А.В.

Экономический подход к праву 13

Смирнов С.В.

Направления совершенствования концепции государственного суверенитета
в условиях «реальной многополярности» 22

**КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО; КОНСТИТУЦИОННЫЙ
СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС; МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО**

Босова Е.Н.

О соотношении понятий «избирательное законодательство» и
«законодательство о выборах» 32

Круглова Ю.Б., Мисякова О.В.

Конституционные принципы судопроизводства и развитие судебной системы в России38

**ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО, ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО,
СЕМЕЙНОЕ ПРАВО, МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО**

Балякина Е.Б.

Об информационном взаимодействии медицинских учреждений и пациентов 45

**УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ;
УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО**

Егорышева Е.А., Козырева И.Е.

Психологические причины агрессивного поведения преступников 49

Сандальникова Е.В.

Теоретико-правовая идентификация киберпреступности в системе
российского права и системе российского законодательства 58

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

Гайнетдинова А.Б., Демидова Т.К., Тулупова Е.О.

История миграции мусульман в Европу 72

Тлепина Ш.В.

Современные тенденции в правовом регулировании деятельности
фармацевтических работников 78

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО; АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ПРОЦЕСС

Мамлеева Д.Р.

Организационно-правовые основы деятельности Государственной инспекции
безопасности дорожного движения Министерства внутренних дел России 91

Рыльская Н.С.

Эволюция округа как административно-территориальной единицы государственного
устройства Российской Империи (историко-правовой аспект) 97

Bulletin of the Institute of Law of the Bashkir State University

№ 3 (11)

2021

Published since 2018
Issued four per year

Founder

Bashkir State University

Publisher

Bashkir State University

Council of Science Editors:

Head of Council

Ilona A. Makarenko

Doctor of Law, Professor, Head of the Chair of Criminalistics, Chairperson of the Central Elections Commission of the Republic of Bashkortostan (Ufa).

Deputy Head of Council

Azat B. Galimkhanov

Candidate of Sciences (Law), Assistant Professor of the Chair of Criminalistics, Vice-Rector for Academic Work (Ufa).

Editorial Council Members:

Guzel M. Aznagulova

Doctor of Law, Professor of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation (Moscow);

Farit G. Aminev

Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Chair of Criminalistics (Ufa);

Nikolai N. Arzamaskin

Doctor of Law, Professor, Ulyanovsk State University (Ulyanovsk);

Mikhail M. Brinchuk

Doctor of Law, Professor, Head of the Sector of Environmental Legal Studies, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences (Moscow);

Akop V. Vardanyan

Doctor of Law, Professor, Head of the Chair of Criminalistics and Operative Search Activity, Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (Rostov-on-Don);

Elena L. Vasyanina

Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Chair of Financial Law, St. Petersburg State University of Economics (St. Petersburg);

Nikolai D. Vershilo

Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Chair of Land and Environmental Law, Russian State University of Justice (Moscow);

Ravil Kh. Gizzatullin

Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Chair of Financial and Environmental Law (Ufa);

Christophe Leroy

Doctor of Law, Professor, Université de Perpignan (France);

Tamara I. Makarova

Doctor of Law, Professor, Belarusian State University, (Minsk, Republic of Belarus);

Rishat V. Nigmatullin

Doctor of Law, Professor, Bashkir State University (Ufa);

Victor P. Salnikov

Doctor of Law, Professor, Editor-in-Chief of the Journal «Legal Science: History and Modernity» (St. Petersburg);

Nuria A. Sattarova

Doctor of Law, Professor, Head of the Chair of Financial and Environmental Law (Ufa);

Alexey P. Semitko

Doctor of Law, Professor, Liberal Arts University (Yekaterinburg);

Alexander Al. Tarasov

Doctor of Law, Professor, Head of the Chair of Criminal Law and Procedure (Ufa);

Sholpan V. Tlepina

Doctor of Law, Professor, L.N. Gumilyov Eurasian National University (Astana, Kazakhstan);

Elena M. Tuzhilova-Ordanskaya

Doctor of Law, Professor, Head of the Chair of Civil Law (Ufa);

Alexey A. Eksarhopulo

Doctor of Law, Professor, Professor of the Chair of Criminalistics (Ufa);

Rakhimyan G. Yusupov

Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of the Chair of State Law (Ufa);

Lusya Sh. Gumerova

Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Assistant Professor of the Chair of State and Law (Ufa);

Marina B. Kostrova

Candidate of Sciences (Law), Associate Professor,
Professor of the Chair of Criminal Law and
Procedure (Ufa);

Oleg M. Krilov

Candidate of Sciences (Law), Associate Professor,
Head of the Chair of State Law (Ufa);

Ruslan I. Zaynullin

Candidate of Sciences (Law), Associate Professor,
Assistant Professor of the Chair of Criminalistics,
Director of the Institute of Law (Ufa);

Zylya A. Yusupova

Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor,
Assistant Professor of the Chair of International
Law and International Relations (Ufa).

Editorial Board**Editor-in-Chief****Farit Kh. Galiev**

Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Chair of Theory of State and Law,
Head of the Chair of Theory of State and Law.

Executive Editor**Olga I. Makova**

Head of Science and Innovation Campus of the Institute of Law.

English Texts Editor**Natalya M. Mukhametgareeva**

Candidate of Sciences (Philology), Assistant Professor of the Chair of International Law
and International Relations.

Technical Editor**Alexandra V. Babenkova**

E-mail vest-law@yandex.ru;

Tel.: (347)228-90-30

The Journal is registered in the Federal Service for Supervision in the Sphere of Communication,
Information Technology and Mass Communications Registration Certificate
ЭЛ № ФС 77-72664 of April 16, 2018

CONTENTS

**THEORY AND HISTORY OF STATE;
HISTORY OF DOCTRINE OF STATE AND LAW**

Bredikhin A.L.

State Ideological Function in a Communicative Space..... 7

Zyryanov A.V., Petrov A.V.

Economic Approach to Law 13

Smirnov S.V.

Directions for Improving the Concept of State Sovereignty in the Conditions
of Real Multipolarity 22

**CONSTITUTIONAL LAW; CONSTITUTIONAL
LAW PROCEEDING; MUNICIPAL LAW**

Bosova E.N.

On the Concepts «Electoral Legislation» and «Legislation on Elections» 32

Kruglova Y.B., Misyakova O.V.

Constitutional Principles of the Judicial Procedure and the Judicial System Development
in the Russian Federation 38

**CIVIL LAW, FAMILY LAW, BUSINESS LAW,
PRIVATE INTERNATIONAL LAW**

Balyakina E.B.

On Healthcare Institutions and Patients Information Exchange 45

**CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGY;
CRIMINAL AND PENAL LAW**

Yegorysheva E.A., Kozyreva I.E.

Criminals Aggression: Psychological Causes 49

Sandalnikova E.V.

Legal and Theoretical Identification of Cybercrime in the Russian Law System and
in the Russian Legislation System 58

INTERNATIONAL LAW

Gainetdinova A.B., Demidova T.K., Tulupova E.O.

The History of Muslim Migration to Europe 72

Tlepina SH.V.

Current Trends in the Legal Regulation of the Pharmaceutical Workers Activities 78

ADMINISTRATIVE LAW; ADMINISTRATIVE PROCEDURE

Mamleeva D.R.

The Russian State Road Safety Inspectorate of the Ministry of Internal Affairs:
Organizational and Legal Framework 91

Rylskaya N.S.

District Evolution as an Administrative Territorial Unit of the Russian Empire
State Structure (Legal Historical Aspect) 97

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА, ИСТОРИЯ УЧЕНИЙ О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ

THEORY AND HISTORY OF STATE; HISTORY OF DOCTRINE OF STATE AND LAW

УДК 340.1

DOI 10.33184/vest-law-bsu-2021.11.1

А. Л. Бредихин

ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ ГОСУДАРСТВА В КОММУНИКАТИВНОЙ СРЕДЕ

Дата поступления 20 июня 2021 г.

В статье исследуется понятие «коммуникативная среда», под которым автор предлагает понимать совокупность каналов и средств взаимодействия общества и государства, рассматривается эволюция коммуникативной среды, определяется специфика реализации идеологической функции государства в ее рамках. Особое внимание обращается на современное виртуальное пространство – разновидность коммуникативной среды, и делается вывод о том, что государство является полноценным участником виртуальной коммуникативной среды, посредством которой реализуется и его идеологическая функция.

Ключевые слова и фразы: идеология; функция государства; коммуникативная среда; Интернет; виртуальное пространство.

A. L. Bredikhin

STATE IDEOLOGICAL FUNCTION IN A COMMUNICATIVE SPACE

In this article, the author introduces the category of «communicative space» into legal science, as a set of channels and means of social interaction between society and the state, considers the evolution of the communicative environment, and also determines the specifics of the implementation of the ideological function of the state within its framework. The author pays special attention to the modern

virtual space as a kind of communicative space and concludes that the state is a full-fledged participant in the virtual communicative space, through which the ideological function of the state is also realized.

Keywords and phrases: ideology; function of the state; communicative space; Internet; virtual space.

Идеологическая функция присутствовала у государства во все периоды его развития, при этом те или иные параметры его идеологической деятельности вынуждены были приспосабливаться к окружающей действительности.

Идеологическая функция государства в нашем понимании – это обусловленная социальным предназначением государства потребность и возможность осуществлять идеологическую деятельность, направленную на легитимацию государственной власти в обществе и построение определенной модели общественно-политических отношений [1, с. 50].

Ввиду того, что идеологическая функция государства объектом своего приложения подразумевает сознание населения (массовое и индивидуальное), специфика государственной деятельности в данной сфере предопределена действующими в обществе средствами и каналами взаимодействия, посредством которых осуществляется (или может осуществляться) воздействие на общественное сознание.

В целом нужно сказать, что взаимодействие людей, государства и общества реализуется в определенной коммуникативной среде. Ее можно определить как совокупность каналов связи между субъектами общения, средств передачи информации и распространения идей, взглядов, ценностей. Взаимодействие же государства и общества порождает общественно-политическую коммуникативную среду, содержанием которой является общественно-политический дискурс. Общественно-политическая коммуникативная среда обусловлена реализацией функций государства и существует с ним исторически.

В период ранней государственности монополией на идеологическую деятельность обладало государство в тесном союзе с официально признанными религиозными организациями. Впрочем, идеологическую работу выполняли любые другие конфессии и идейные течения, но уже без санкции государства. Средствами передачи идеологических положений выступали различные политико-правовые акты, религиозные книги, проповеди, в которых так или иначе обозначалось должное отношение к государственной власти, основания ее легитимации, доводы и утверждения, возбуждающие чувства гордости за страну, единства, доверия, сопричастности и т. п. Каналы передачи информации в таком обществе чаще всего ограничивались устными формами взаимо-

действия, а вспомогательными каналами передачи и обмена информацией были письменные источники (например, летописи, сказания и т. п.).

В результате развития общества и наук появилась нерелигиозная литература, научные книги и различные виды искусства. Государство вынуждено было вести идеологическую деятельность с учетом новых реалий с той же целью – легитимации власти. А так как государство как институт посредством права расширяет свое регулятивное начало, то приспособляться приходится и к новой коммуникативной среде с целью ее регулирования и осуществления контроля. Посредством правового регулирования создаются определенные правовые процедуры, устанавливаются обязанности, запреты, а также ответственность за нарушение тех или иных правил. Например, может вводиться цензура для исключения негативного влияния на сознание граждан с целью возбудить недоверие и антигосударственные настроения.

С появлением средств массовой информации коммуникативная среда расширилась, появились газеты и журналы, через которые журналисты стали транслировать актуальные факты и события, давать им интерпретацию и доводить до сознания граждан. И в этих условиях государство включилось в эти отношения, регулируя журналистскую деятельность, устанавливая правила ее ведения, а также стало выступать субъектом таких взаимодействий с собственной позицией на те или иные факты или события (например, путем учреждения государственных газет). Каналы распространения информации здесь – издательства, торговые объекты и лица – распространители информации.

Следующим этапом развития информационного взаимодействия стало появление радио и телевидения. Процесс передачи информации существенно ускорился, значительно увеличилась аудитория транслируемой информации, управлять такими каналами передачи данных стало весьма сложно.

Тем не менее государство и здесь взяло контроль над механизмом передачи информации, но помимо самих средств массовой информации под контроль попали и каналы ее передачи (источники, передающие сети и принимающие устройства). Как и в ситуации с печатными средствами массовой информации, государство включилось в процесс мониторинга и надзора за содержанием и эмоциональным фоном передаваемой информации, выступило субъектом формирования повестки дня. Технологически в данной коммуникативной среде осуществление идеологической функции государства довольно эффективно, тем более что государство имеет бесспорные преимущества.

Определенная специфика есть у современного этапа развития коммуникативной среды, когда появляется виртуальное пространство (сеть Интернет).

В отличие от предыдущих этапов виртуальная среда значительно сложнее поддается государственному регулированию. Если телевизионные и радиоканалы еще можно контролировать, так как всегда можно взять под контроль источник передачи информации, то в виртуальном сетевом пространстве, где существует бесчисленное множество каналов передачи, хранения и обмена информацией, сделать это многократно сложнее. Фактически, в виртуальной сети каналы взаимодействия выстроены напрямую между множеством людей.

На современном этапе очень высока степень вовлеченности населения в виртуальное пространство, даже многие вопросы общественного взаимодействия перешли в виртуальную среду. Повестка дня, принципы, убеждения, мода и прочее определяются цифровым контентом, которым управляют определенные субъекты виртуальной среды.

В такой ситуации государство вынуждено стать значимым субъектом виртуальной среды, с одной стороны, перенеся формы взаимодействия в цифровой формат, а с другой – осуществляя регулирование новой виртуальной коммуникативной среды и реализуя свои функции.

В эпоху развития информационных технологий в обиход общения прочно вошли термины, которые в обыденном понимании очень близки по смыслу: информационная среда, виртуальная среда, электронная форма взаимодействия, интернет-технологии, цифровизация, компьютерная сеть и т. п. Для проведения исследования необходимо четко обозначить и описать его предмет, что вынуждает нас обратиться к имеющимся определениям термина «виртуальное пространство».

Так, К.В. Струков под виртуальным пространством предлагает понимать совокупность информации и общественных отношений, складывающихся в сети Интернет, а также информационно-телекоммуникационных технологий, с помощью которых осуществляется доступ к данной сети, участвовать в которых можно только посредством ЭВМ и средств связи компьютерной сети [2, с. 114].

Представим еще несколько определений. Р.В. Шагиева: «виртуальное пространство – это совокупное отображение объектов, явлений, процессов и связей физического мира в памяти компьютеров информационно-коммуникационных систем» [3, с. 266]; В.А. Копылов: «виртуальное пространство – это новая среда обитания человечества, новая среда деятельности личности, общества, государства. Эту среду нередко называют виртуальной средой, имея в виду тот факт, что информация – основной объект, циркулирующий в ней» [4, с. 5]. Т.Л. Тропинина: виртуальное пространство – это «информационное пространство, в котором находятся сведения о лицах, предметах, фактах, событиях, явлениях и процессах, представленные в математическом, символьном или любом другом виде и находящиеся в процессе движения

по локальным и глобальным компьютерным сетям, либо сведения, хранящиеся в памяти любого физического или виртуального устройства, а также другого носителя, специально предназначенного для их хранения, обработки и передачи» [5, с. 175]. Из этих определений понятно, что появление виртуального пространства – новый этап развития коммуникативной среды общества, возникший благодаря использованию электронных средств накопления, хранения, обработки, передачи и проведения иных операций с нематериальными объектами.

Изначально, когда виртуальная среда еще не оказывала существенного влияния на общественно-политическую жизнь, государственное регулирование было ограниченным, поэтому существовала иллюзия свободы Интернета. Но, как закономерность, государство при повышении важности виртуальной коммуникативной среды становится ее значимым субъектом – регулятором и непосредственным действующим лицом. На сегодняшнем этапе мы можем констатировать, что за несколько последних лет государство взяло под контроль виртуальную коммуникативную среду, применив для этого законодательные и технологические решения. Идеологическая функция государства также нашла в ней свое место.

Список использованной литературы

1. Бредихин А.Л. Понятие и содержание идеологической функции государства // Вестник Воронежск. гос. ун-та. Сер.: Право. 2021. № 1. С. 50–57.
2. Струков К.В. Контрольная функция государства в сфере виртуального пространства (на примере Российской Федерации) : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019. 210 с.
3. Шагиева Р.В. Концепция правовой деятельности в современном обществе. Казань : Изд-во Казанск. ун-та, 2005. 310 с.
4. Копылов В.А. Информационное право : учебник. М. : Юристъ, 1997. 472 с.
5. Тропинина Т.Л. Киберпреступность и кибертерроризм: поговорим о понятийном аппарате // Информационные технологии и безопасность : сб. науч. тр. Киев : Национальн. акад. наук Украины, 2003. С. 173–181.

References

1. Bredikhin A.L. The Concept and Content of the Ideological Function of the State. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo = Proceedings of Voronezh State University. Series: Law*, 2021, no. 1, pp. 50–57. (In Russian).

2. Strukov K.V. *Kontrol'naya funkciya gosudarstva v sfere virtual'nogo prostranstva (na primere Rossijskoj Federacii)*. Kand. Dis. [Control Function of the State in the Field of Virtual Space (on the example of the Russian Federation). Cand. Dis.]. Moscow, 2019. 210 p.

3. Shagieva R.V. *Koncepciya pravovoj deyatel'nosti v sovremennom obshchestve* [The Concept of Legal Activity in Modern Society]. Kazan Federal University Publ., 2005. 310 p.

4. Kopylov V.A. *Informacionnoe pravo* [Information law], Moscow, YUrist" Publ., 1997. 472 p.

5. Tropinina T.L. Cybercrime and Cyberterrorism: Let's Talk about the Conceptual Apparatus. *Informacionnye tekhnologii i bezopasnost'. Sbornik nauchnykh trudov* [Information Technology and Security. Collection of Scientific Papers]. National Academy of Sciences of Ukraine Publ., 2003, pp. 173–181. (In Russian).

Информация об авторе

Бредихин Алексей Леонидович – кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры истории государства и права Санкт-Петербургского университета Министерства внутренних дел России, г. Санкт-Петербург; axel_b@mail.ru

Information about the Author

Bredikhin Alexey Leonidovich – Candidate of Sciences (Law), Senior Instructor, the Chair of History of State and Law, Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Saint Petersburg; axel_b@mail.ru

Для цитирования

Бредихин А.Л. Идеологическая функция государства в коммуникативной среде // Вестник Института права Башкирского государственного университета. 2021. № 3. С. 7–12. DOI 10.33184/vest-law-bsu-2021.11.1.

For citation

Bredikhin A.L. State Ideological Function in a Communicative Space. *Vestnik Instituta prava Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta* = *Bulletin of the Institute of Law of the Bashkir State University*, 2021, no. 3, pp. 7–12. DOI 10.33184/vest-law-bsu-2021.11.1. (In Russian).

УДК 340.1

DOI 10.33184/vest-law-bsu-2021.11.2

А. В. Зырянов, А. В. Петров

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ПРАВУ

Дата поступления 14 сентября 2021 г.

Результаты последних исследований в области права и экономики показывают, что правовая система, ее доктрины, процедуры и институты, находится под влиянием обеспокоенности, связанной с повышением экономической эффективности. С точки зрения зарубежных исследователей, правила присвоения имущественных прав и определения ответственности, порядок разрешения правовых споров, ограничения, способы исчисления убытков и определения обеспечительных мер, а также другие важные элементы правовой системы лучше всего понять как попытки содействовать эффективному распределению ресурсов. В противовес идее нормативистской самодостаточности можно заметить, что если бы правовая система систематически и эффективно разрабатывалась с целью максимизации экономической эффективности, то и уровень стратегического планирования законодательной деятельности был значительно выше.

Ключевые слова и фразы: теория; метод; право; экономика; законодательство; эффективность; интерес; регулирование.

A. V. Zyryanov, A. V. Petrov

ECONOMIC APPROACH TO LAW

Recent legal and economic research has shown that the legal system, its doctrines, procedures and institutions, are influenced by concerns about economic efficiency. From the point of view of foreign researchers, the rules of property rights assumption and the determination of liability, the procedure for the settlement of legal disputes, limitations, methods of calculating damages and the definition of interim measures, as well as other important elements of the legal system are best understood as attempts to promote the effective allocation of resources. Contrary to the idea of normative self-sufficiency, it can be observed that if the legal system were systematically and effectively developed to maximize economic efficiency, the level of strategic planning of legislative activity was much higher.

Keywords and phrases: theory; method; law; economics; legislation; efficiency; interest; regulation.

В зарубежной экономической и правовой науке в последние годы растет интерес к использованию теорий и эмпирических методов экономики в исследовании проблем современной правовой системы. Изучение работ, имеющих отношение к экономике и праву, позволяет говорить о том, что экономический подход к пониманию права начал складываться еще в XIX в. С тех пор экономический анализ права получил развитие в двух противоположных направлениях: анализ норм, регулирующих рыночный механизм, и анализ норм, регулирующих нерыночную деятельность. При этом до начала 1960-х годов исследование соотношения понятий «право» и «экономика» в основном было связано с применением методов экономического анализа к антимонопольному законодательству.

Можно также сказать о наличии значительного интереса к экономике налогообложения, коммунальных услуг, общего регулирования перевозчиков, о том, что проводилась большая работа по правовому регулированию рынка труда и капитала, изучению правовой политики государства, связанной с этими вопросами, но основное пересечение права и экономики произошло в антимонопольных курсах и антимонопольной литературе.

В результате всего этого использование экономики в антимонопольном законодательстве стало обычным. Отчеты по антимонопольным делам постепенно наполнялись богатой информацией о деловой практике, и экономисты приступили к поиску ее экономических обоснований и последствий. Однако, несмотря на то что результаты всего этого определенным образом отразились в правовой политике, в основном эти поиски ничем не отличались от того, что традиционно делали экономисты. При этом даже среди ученых-юристов общепризнанной является целесообразность выдвижения экономики на первый план антимонопольного анализа, ибо иначе и быть не может: центральное место в антимонопольном регулировании занимает контроль над монополией, а изучение монополии всегда было одним из основных направлений деятельности экономистов.

В этом плане работы Г. Калабрези [1] и Р. Коуза [2] являются первыми исследованиями в сфере экономического анализа и составляют основу современной экономической теории права. Работа Г. Калабрези посвящена экономическому анализу ответственности за несчастные случаи, в ней впервые к изучению конкретных юридических вопросов были применены аналитические подходы неоклассической экономической теории. Данная работа остается актуальной и в наше время.

Статья Р. Коуза посвящена вопросам о социальных издержках, собственности и ответственности, которые отражаются в терминах и категориях экономической теории. Это была первая попытка применения экономического анализа к тем областям права, которые до этого не претендовали на регулирование экономических отношений. Без внимания ученого не остался и вопрос о справедливости, понимаемой как та или иная форма выравнивания доходов, богатства и т. п. Его также интересовала проблема законодательного обеспечения перераспределения богатства и формирования государственной политики, которая позволила бы создать справедливое государство с высоким уровнем благосостояния. Поэтому исследования Р. Коуза стали значимыми для развития экономического подхода к правопониманию, а если более конкретно, то создали основу для правового анализа вопросов уступки права собственности и ответственности с использованием экономических терминов.

Нужно отметить, что работа Р. Коуза имела большое значение и для позитивного анализа существующей правовой доктрины. Он предположил, что английское «право неприятностей» отличается скрытой экономической логикой [2, с. 20–24].

Позднее и другие исследователи стали утверждать, что многие доктрины и институты правовой системы лучше всего понимаются и объясняются как усилия по содействию эффективному распределению ресурсов. Среди этих исследователей выделяется Г. Беккер, который утверждал, что экономика имеет отношение к особому диапазону нерыночного поведения [3, с. 5]. При этом следует подчеркнуть особый вклад ученого в экономический анализ преступности, расовой дискриминации и производственных отношений в семье, благодаря чему для экономического анализа стали доступны обширные области правовой системы, не охваченные предшественниками Г. Беккера. А его последователи, среди которых можно назвать И. Эрлиха [4], В. Ландеса [5], Н. Комесара [6], дополнили его начинания своими работами.

После Второй мировой войны большое влияние на американскую экономику труда оказали работы Дж. Коммонса, которые повлияли на возрождение неоклассической экономики труда. Наиболее известным из более поздних сторонников и теоретиков экономического подхода к правопониманию является Р. Познер, автор теории максимизации благосостояния, которому принадлежат такие работы, как *Economic Analysis of Law* (2014), *Economics of Justice* (1981), *Law and Literature* (2009), *Problems of Jurisprudence* (1990). Он также является автором теории максимизации благосостояния [7].

При всем этом необходимо подчеркнуть, что экономический подход к пониманию права в современных условиях усиливает свою значимость и злободневность, что обусловлено развитием информационных технологий и становлением информационного общества, процессами глобализации и рас-

ширением международных отношений и сотрудничества. В основе экономического подхода к праву лежит предположение, что люди, вовлеченные в правовую систему, выступают в качестве рациональных максимизаторов удовлетворения своих интересов и потребностей.

Логика рациональной максимизации тонка, часто сложна и противоречит здравому смыслу. Понятия «благо» и «цена» в экономическом анализе правовой действительности часто нетрадиционны, возможно, именно поэтому экономистам потребовалось так много времени, чтобы признать закон частью экономики. «Благом» могут быть преступления для преступника или судебные процессы для потерпевшего истца, а «ценой» может быть срок тюремного заключения, дисконтированный вероятностью признания, или очередь в суд.

Результаты последних исследований в области права и экономики показывают, что сама правовая система, ее доктрины, процедуры и институты, находилась под сильным влиянием обеспокоенности (чаще скрытой, чем явной), связанной с повышением экономической эффективности. Правила присвоения имущественных прав и определения ответственности, порядок разрешения правовых споров, ограничения, налагаемые на правоприменителей, способы исчисления убытков и определения обеспечительных мер – эти и другие важные элементы правовой системы лучше всего понять как попытки содействовать эффективному распределению ресурсов.

Идея о том, что логика права на самом деле имеет отношение к экономике, отталкивает многих ученых-юристов, которые видят в ней попытку практиков чуждой дисциплины вырвать у них свою область. Тем не менее позитивный экономический анализ правовых институтов является одной из наиболее перспективных, хотя и противоречивых отраслей нового права и экономики.

По нашему мнению, важным открытием в юридической и экономической литературе является то, что экономический анализ может быть полезен при разработке реформ правовой системы, а также то, что количественное изучение правовой системы является плодотворным. Может показаться странным приписывать такое открытие экономическому подходу к праву. Действительно, количественный анализ правовой системы давно предшествовал интересу экономистов к ней, а статистические методы исследования не зависят от теорий, которые порождают гипотезы, подлежащие проверке этими методами. Однако экономисты подняли количественные исследования правовой системы на новый уровень. Стало ясно, что статистическое изучение правовых институтов может внести большой вклад в юридическую науку. Бесспорно, это обусловлено тем, что экономисты, как правило, лучше

обучены современным методам количественного анализа, имеют преимущество в количественных исследованиях.

Одним из перспективных направлений эмпирических экономических исследований правовой системы является международный уровень преступности. Объяснение различий в уровне преступности в разных странах важно для экономической теории преступности и ее контроля. Чем больше экономических переменных в криминальном поведении, тем отчетливее они проявляются при международном сравнении. Экономический подход не предполагает, что индивиды мотивированы исключительно эгоизмом или материальной выгодой. Это метод анализа, а не предположение о конкретных мотивах. Поведение их определяется гораздо более богатым набором ценностей и предпочтений.

В качестве показательного примера реализации экономического подхода в правовом регулировании можно рассмотреть законодательство, устанавливающее уровень минимальной заработной платы.

Действительно, некоторые люди не могут прилично жить на заработную плату, которую они получают. Решение кажется достаточно простым: обязать работодателей платить минимально приемлемую зарплату любому, кого они хотят нанять, а намерение – великодушным: помочь наименее обеспеченным. Но каков же эффект?

Вклад некоторых работников в выпуск продукции фирмы, который устанавливает верхний предел того, что работодатель может позволить себе платить работнику, может в некоторых случаях быть меньше вновь установленной минимальной заработной платы. Работодатель может использовать больше машин, чтобы заменить труд, который стал более дорогим. Можно, конечно, распространить государственный контроль и на увольнения, но это не решит проблему. Препятствия к увольнению людей в первую очередь приведут к нежеланию нанимать их на работу. В целом закон о минимальной заработной плате приведет к сокращению числа доступных рабочих мест, но сохранит их за лицами, которые имеют более высокую квалификацию и получают более высокую заработную плату, и это даст работодателям стимулы автоматизировать больше, чем они считают нужным. В итоге от этого пострадают в основном молодые люди, которые только выходят на рынок труда и еще не имеют опыта работы. Минимальная заработная плата увеличит безработицу среди этой группы населения.

Существует связь между минимальной заработной платой и социальными выплатами, предлагаемыми неимущим. Социальные выплаты, предположительно являющиеся частью той же системы социальной защиты, что и минимальная заработная плата, будут расти вместе с минимальной заработной платой. По мере повышения социальных выплат некоторые низкооп-

лачиваемые должности больше не выглядят привлекательными: зачем работать, если можно получить практически те же деньги? Личное достоинство и трудовая этика не выдержат такой логики очень долго.

Конечно, это не те результаты, к которым стремятся, надеясь помочь неимущим, повысив минимальную заработную плату. Но они являются предсказуемыми последствиями этой политики. Повышение минимальной заработной платы может привести к сокращению общей занятости, но оно повысит уровень заработной платы для остальных рабочих мест непосредственно выше этого уровня. Кроме того, для работодателей будет невыгодно нанимать неквалифицированных работников; вместо этого они будут нанимать более подготовленных работников с более высокой зарплатой. Для таких рабочих конкуренция со стороны неквалифицированных рабочих снижается, что обеспечивает им большую гарантию занятости. В этом свете повышение минимальной заработной платы отвечает интересам профсоюзов. Эмпирические исследования показали, что профсоюзы являются убежденными сторонниками такого увеличения. Поэтому вопрос о соответствующем уровне минимальной заработной платы должен анализироваться не столько на рынке труда, сколько на «политическом рынке».

Проблема минимальной заработной платы напоминает нам, что закон не является приспособлением, которое можно создать по своему желанию. Люди не пассивные пешки, движимые изменениями в правилах, которым они подчиняются. Напротив, изменение правил заставит каждого задуматься о том, стоит ли корректировать свое поведение, и если да, то как. Ибо правовая норма не управляет непосредственно поведением индивидов, она лишь придает последствия их действиям.

Чтобы понять закон, нужно понять логику «фигур», которыми, как считается, управляет закон. Это означает понимание людей и их взаимодействия. Это позволило бы точно предсказать последствия нового законодательного акта и понять, почему он может не достичь поставленных перед ним целей.

Так, индивиды участвуют в «компенсирующем поведении», чтобы компенсировать модели, которые им навязывает закон, тем самым сводя на нет часть предполагаемого эффекта. В примере с минимальной заработной платой повышение ее предсказуемо приведет к тому, что работодатели будут нанимать меньше людей, что повлечет рост общей безработицы, особенно среди наиболее уязвимых слоев населения.

Стоит отметить, что экономический анализ права также нашел свое практическое применение в отношении норм, регулирующих нерыночную деятельность.

Г. Беккер, рассказывая о преступлениях и наказаниях и об экономическом подходе к их пониманию, делает вывод о практическом применении

экономического анализа [3, с. 5]. Он исходит из личного опыта: как-то он опаздывал и должен был быстро решить, ставить ли машину на стоянку или рискнуть получить штраф за незаконную парковку на улице. Г. Беккер подсчитал вероятность получения штрафа, его размер, стоимость парковки и решил, что стоит рискнуть и оставить автомобиль на улице. Когда он прошел несколько кварталов, сделал вывод, что городские власти, вероятно, тоже провели подобный анализ, в соответствии с которым частота осмотра припаркованных транспортных средств и размер штрафа, налагаемого на нарушителей, должны зависеть от их оценок расчетов потенциальных нарушителей.

Таким образом, исследования правонарушений, использующие экономический подход, стали обычным явлением в течение последней четверти века. Они включают в себя анализ оптимальных предельных наказаний для сдерживания роста тяжести преступлений. Например, эмпирические оценки влияния тюремных сроков на уровень преступности, уровень осуждения, уровень безработицы, неравенство доходов и другие переменные стали более многочисленными и более точными.

Подводя итог, можно отметить, что экономика всегда играла большую роль в жизни общества. Экономический анализ, бесспорно, занимает особое место в характеристике права, ибо, что бы ни утверждал человек, для него не на последнем месте будут такие понятия, как выгода, эффективность, издержки.

Таким образом, данный подход к пониманию права, характеризующий как рыночные механизмы, так и нерыночные отношения, остается актуальным. Примечательно, что экономический анализ изучается и применяется и экономистами, и юристами, охватывая все больше и больше сфер деятельности людей в современном обществе, и при этом ставит определенные задачи, которые, возможно, найдут решение в будущем.

Список использованной литературы

1. Calabresi G. Some Thoughts on Risk Distribution and the Law of Torts // Yale Law Journal. 1961. Vol. 70, № 70. P. 499–553.
2. Coase R. The Problem of Social Cost // Journal of Law and Economics. 1960. Vol. 3. P. 1–44.
3. Becker G.S. The Economic Way of Looking at Life // Working Paper of the Cowes-Sandor Institute of Law and Economics. 1993. № 12. P. 385–409.
4. Ehrlich I. The Deterrent Effect of Capital Punishment: A Matter of Life and Death // The American Economic Review. 1975. Vol. 65, № 3. P. 397–417.
5. Landes W.M. Legality and Reality: Some Evidence on Criminal Procedure // The Journal of Legal Studies. 1974. Vol. 3, № 2. P. 1–96.

6. Komesar N.K. Toward a General Theory of Personal Injury Loss // *The Journal of Legal Studies*. 1974. Vol. 3. № 2. P. 457–486.

7. Posner R.A. The Economic Approach to Law // *Texas Law Review*. 1975. Vol. 53. P. 757–782.

References

1. Calabresi G. Some Thoughts on Risk Distribution and the Law of Torts. *Yale Law Journal*, 1961, vol. 70, no. 70, pp. 499–553.

2. Coase R. The Problem of Social Cost. *Journal of Law and Economics*, 1960, vol. 3, pp. 1–44.

3. Becker G.S. The Economic Way of Looking at Life. *Working Paper of the Cowes-Sandor Institute of Law and Economics*, 1993, no. 12, pp. 385–409.

4. Ehrlich I. The Deterrent Effect of Capital Punishment: A Matter of Life and Death. *The American Economic Review*, 1975, vol. 65, no. 3, pp. 397–417.

5. Landes W.M. Legality and Reality: Some Evidence on Criminal Procedure. *The Journal of Legal Studies*, 1974, vol. 3, no. 2, pp. 1–96.

6. Komesar N.K. Toward a General Theory of Personal Injury Loss. *The Journal of Legal Studies*, 1974, vol. 3, no. 2, pp. 457–486.

7. Posner R.A. The Economic Approach to Law. *Texas Law Review*, 1975, vol. 53, pp. 757–782.

Информация об авторах

Зырянов Алексей Викторович – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории государства и права, трудового права Южно-Уральского государственного университета, г. Челябинск; zav-nauka@mail.ru;

Петров Александр Васильевич – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовно-процессуального права Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия, г. Санкт-Петербург; kaf.upp@szfrgup.ru

Information about the Authors

Zyryanov Alexey Viktorovich – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Assistant Professor of the Chair of Theory of State and Law, Labour Law, South Ural State University, Chelyabinsk; zav-nauka@mailru;

Petrov Alexander Vasilyevich – Doctor of Law, Professor, Professor of the Chair of Criminal Procedural Law, Northwest Branch of the Russian State University of Justice, St. Petersburg; kaf.upp@szfrgup.ru

Для цитирования

Зырянов А.В., Петров А.В. Экономический подход к праву // Вестник Института права Башкирского государственного университета. 2021. № 3. С. 13–21. DOI 10.33184/vest-law-bsu-2021.11.2.

For citation

Zyryanov A.V., Petrov A.V. Economic Approach to Law. *Vestnik Instituta prava Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta* = *Bulletin of the Institute of Law of the Bashkir State University*, 2021, no. 3, pp. 13–21. DOI 10.33184/vest-law-bsu-2021.11.2. (In Russian).

УДК 340

DOI 10.33184/vest-law-bsu-2021.11.3

С. В. Смирнов

**НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ КОНЦЕПЦИИ
ГОСУДАРСТВЕННОГО СУВЕРЕНИТЕТА В УСЛОВИЯХ
«РЕАЛЬНОЙ МНОГОПОЛЯРНОСТИ»**

Дата поступления 20 сентября 2021 г.

Цель статьи – обозначить основные направления совершенствования концепции государственного суверенитета и проанализировать систему понятий, терминов и научных категорий теории государства и права с учетом положений Стратегии национальной безопасности РФ в контексте процессов глобализации и локализации. Автор использовал исторический подход, а также методы анализа, наблюдения, формально-юридический метод. Констатируется трансформация преобладающего понимания глобализации как синонима американизации и вестернизации в сторону многовекторности и многополярности. Для исследования государственно-правовой действительности в новых условиях предложено обозначить направления совершенствования традиционной концепции государственного суверенитета в части использования категорий формально-юридического и фактического государственного суверенитета. Проанализирована проблема актуализации вопросов, имеющих прямое отношение к укреплению государственного суверенитета России и созданию надежной системы гарантий государственного суверенитета, обозначенной в Стратегии национальной безопасности РФ. Сформулирован вывод о том, что в настоящее время формируется новая, реальная многополярность, требующая от государств выстраивания системы постоянного мониторинга имеющихся и возможных в ближайшем будущем различных рисков и вызовов, представляющих собой угрозу суверенитету государства. Все это говорит о необходимости совершенствования системы эффективных гарантий государственного суверенитета при обязательном учете современного состояния решенности проблемы реализации прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации.

Ключевые слова и фразы: концепция; государство; глобализация; суверенитет; суверенитет формально-юридический; суверенитет фактический; факторы ослабления государственного суверенитета; риски; вызовы; угрозы; гарантии.

S. V. Smirnov

DIRECTIONS FOR IMPROVING THE CONCEPT OF STATE SOVEREIGNTY IN THE CONDITIONS OF REAL MULTIPOLARITY

The purpose of the article is to emphasise the main directions for improving the concept of State sovereignty and to analyse the system of concepts, terms and scientific categories of State theory and law, taking into account the provisions of the National Security Strategy of the Russian Federation in the context of globalization and localization processes. The author used a historical approach as well as methods of analysis, observation, formal legal method. The understanding of the word globalization as synonym of Americanization and Westernization has been transformed into multi-vectoral and multipolar. In order to study State-legal reality in the new context, it is proposed to outline the ways of improving the traditional concept of State sovereignty in terms of the use of the categories of legalistic and de facto State sovereignty. The problem of updating issues directly related to the strengthening of Russian State sovereignty and the creation of a reliable system of guarantees of State sovereignty, as defined in the National Security Strategy of the Russian Federation, was analysed. The conclusion reached is that a new, real multipolarity is now forming, and the States should build a system for the continuous monitoring of existing and imminent various risks and challenges, threatening the sovereignty of the State. All this points to the need of improving the system of effective guarantees of State sovereignty, taking into account the realization of human and civil rights and freedoms in the Russian Federation.

Keywords and phrases: concept; State; globalization; sovereignty; legalistic sovereignty; sovereignty de facto; trends of weakening the State sovereignty; risks; challenges; threats; guarantees.

Хаотичный выход, фактически поспешное бегство США из Афганистана стало символом тектонических изменений принципов международного взаимодействия государств и других политических акторов, объективного завершения процессов глобализации, понимаемой как синоним американизации и вестернизации, стремительного возвращения в политический и правовой дискурс государственного суверенитета. На наших глазах завершилась 30-летняя эпоха гегемонии глобального Запада, «конца истории», объявленного неизвестным Ф. Фукуямой в одноименной статье [1].

Предложенная ранее концепция предлагала понимать современные политико-правовые и социально-экономические процессы как явления, присущие всем государствам современного мира. Бесспорно, глобальный характер этих процессов обуславливался усилением взаимных связей госу-

дарств современного мира во всех сферах их жизнедеятельности. Вне всякого сомнения, на эти процессы не могли не оказать влияние образование мировой экономики, интеграция финансовых рынков, появление качественно новых информационных, коммуникационных, транспортных технологий, одним словом, все те изменения, которые способствовали выходу властных полномочий, действий и интересов государств за пределы их территориальных границ [2, с. 84–85]. Эта концепция все еще остается актуальной, но уже настоятельно требует внесения определенных корректировок, рациональной расстановки новых акцентов с учетом современных реалий.

Научное сообщество, пытаясь осмыслить происходящие изменения, рассуждает о «сетевом государстве» [3], праве человека свободно передвигаться в искусственном информационном пространстве [4], суверенитете государства в информационной сфере [5; 6; 7; 8; 9; 10; 11; 12; 13], защите государственного суверенитета [14], «цветных революциях» [15], частных военных компаниях [16], криптовалютах [17], процессах деволуции государств [18]. Речь идет о развитии настоящей многополярности современного мира, возникновении новых «центров силы», подтверждении значимости государственного суверенитета при совершенствовании его общетеоретического понимания.

Всемирная пандемия новой коронавирусной инфекции поставила человечество в совершенно новые условия существования, ограничив очные контакты, свободное передвижение, изменив структуру мировой экономики, выдвинув на первое место информационную сферу взаимодействия государств. Сама пандемия и предпринятые меры противодействия ей стали той лакмусовой бумажкой, которая со всей очевидностью показала реальные принципы взаимоотношений государств, формирование блоков и союзов, а зачастую и фиктивность декларируемых глобальным Западом демократических и гуманистических идеалов, их применимость лишь в определенных ситуациях. Выяснилось, что лишь немногие государства обладают научным потенциалом, производственными мощностями и организационными способностями для разработки и внедрения эффективных вакцин от коронавируса. При этом большинство лидеров «гонки вакцин» оказались не готовы рисковать ни собственным населением, ни прибылью ради спасения жителей менее «удачливых» стран и категорически отказались передать технологии изготовления вакцин, в том числе перенести их производство в другие страны. Не менее красноречивой является и сформированная западными правительствами и производителями очередность поставки вакцин, судя по которой, спасению в приоритетном порядке подлежит платежеспособное население стран «золотого миллиарда».

Российская Федерация, которая является одним из лидеров в разработке и производстве эффективных противокоронавирусных вакцин, продемонстрировала совершенно иной подход. Она не просто передает технологии, но и организует производство вакцин в других государствах, не ограничиваясь при этом странами «золотого миллиарда».

КНР, на территории которой распространение инфекции благодаря жестким мерам было оперативно остановлено уже на начальной стадии, успешно проводит вакцинацию препаратом собственного производства. Продолжающийся рост экономики этой страны как минимум доказал собственную субъектность, эффективность принятой идеологической, государственной и экономической парадигмы развития, как и в России, подтвердил роль одного из «центров силы» современного мира.

Видимо, следует согласиться с идеей А.Л. Бредихина и Е.Д. Проценко, в соответствии с которой поправки, внесенные в Конституцию РФ, конституируют укрепление суверенности нашей страны, автономизацию ее юрисдикции и повышение роли и статуса в мировой политической системе [19].

Нам представляется правомерным при рассмотрении вопросов государственного суверенитета в условиях новой «реальной многополярности» современного мира и в рамках обновленной концепции государственного суверенитета использование таких общетеоретических научных категорий, которые подчеркивают формально-юридический или же фактический характер государственного суверенитета. При этом необходимо подчеркнуть, что, рассматривая государственный суверенитет в формально-юридическом смысле, мы должны учитывать, что это неотъемлемое, неотчуждаемое, юридически неограниченное, неделимое качество государства, которое выражается в независимости при определении целей и постановке задач в сфере внутренней и внешней политики за счет собственных ресурсов – институциональных, материальных, кадровых, идеологических и иных [2, с. 92].

Вопросы укрепления государственного суверенитета и формирования оптимальной системы гарантий суверенитета государства актуализированы в новой Стратегии национальной безопасности РФ, утвержденной Указом Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400¹. В п. 1 данного Указа констатируется обеспечение укрепления суверенной государственности России, ее способность проводить самостоятельную внешнюю и внутреннюю политику, противостоять попыткам внешнего давления благодаря последовательному повышению обороноспособности страны, достижению внутреннего единства и

¹ О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 03.07.2021).

политической стабильности, модернизации экономики и развитию промышленного потенциала.

В п. 6 прямо заявлено о том, что современный мир переживает период трансформации, увеличивается количество «центров силы», новые глобальные и региональные страны-лидеры укрепляют позиции, что приводит к переустройству миропорядка на новых принципах.

В п. 19 поднимаются проблемы идеологического лидерства в будущем устройстве мира, государственного суверенитета в информационной среде.

В п. 21–22 провозглашается цель укрепления суверенитета Российской Федерации, перечисляются ключевые параметры и основные факторы, которые определяют место и значение России на мировой геополитической арене в долгосрочной перспективе. Среди последних названы такие критерии, которые учитывают высокое качество человеческого потенциала, обращают внимание на способность обеспечить технологическое лидерство, делают упор на эффективность государственного управления и подчеркивают необходимость перевода экономики на новую технологическую основу. В качестве ключевых индикаторов конкурентоспособности России, а по сути, важнейших гарантий, обеспечивающих фактический государственный суверенитет, перечислены такие характеристики, как состояние науки, уровень развития инновационной сферы, промышленности, а также системы образования, здравоохранения и культуры, которые в современных условиях становятся ключевыми индикаторами конкурентоспособности.

В качестве предпосылок дальнейшего развития демократического устройства России и ее открытости миру названы «сохранение российской самобытности, культуры, традиционных российских духовно-нравственных ценностей и патриотическое воспитание граждан».

Необходимость противодействия потенциальной трансформации факторов ослабления государственного суверенитета в логике «риск – вызов – угроза» объективно ставит перед современным государством проблему формирования системы гарантий государственного суверенитета. Указанная система мер противодействия рискам, вызовам и угрозам, несомненно, должна иметь научно обоснованный характер. Поэтому закономерно, что в содержании понятия «гарантии государственного суверенитета» действительно можно выделить, во-первых, систему общих условий, среди которых экономические, политические, социальные, идеологические, духовно-культурные, технологические, во-вторых, систему специальных правовых средств в качестве юридических гарантий. Нам представляется, что без создания в стране данных условий и юридических гарантий трудно доказать наличие реальной возможности, которая бы позволила обеспечить верховенство и

независимость государственной власти, достижение целей и задач во внутренней и внешней политике государства.

Общие условия являются той макросредой, в которой реализуется власть государства и его суверенитет. Системное улучшение государством общих условий способствует повышению эффективности реализации системы специальных юридических гарантий государственного суверенитета. Несомненно, общие условия являются фундаментом, на котором государство выстраивает систему специальных юридических средств для противодействия факторам ослабления государственного суверенитета. Иначе говоря, постоянное системное противодействие государства вызовам и угрозам государственному суверенитету позволяет ему укреплять свой реальный, фактический государственный суверенитет [2, с. 132].

По нашему мнению, необходимо подчеркнуть, что в качестве одного из основных составляющих элементов понятия «система гарантий государственного суверенитета» нужно указать на юридические гарантии, то есть правовые средства обеспечения государственного суверенитета. А если уж говорить более конкретно, то в качестве юридических гарантий могут выступать разнообразные установления, положения, юридические предписания, а также современные технологии, различные акты реализации прав и обязанностей, которые закреплены в источниках права.

Мы уверены в том, что на основе всего этого «государство обеспечивает свой суверенитет, в том числе формирует общие условия и нейтрализует риски, противостоит вызовам, непосредственно реагирует на угрозы государственному суверенитету» [2, с. 135]. При всем этом, безо всякого сомнения, одной из важнейших задач суверенного государства в современном мире является построение системы противодействия идеологемам, направленным на разрушение государственного суверенитета.

Таким образом, в новых условиях современного мира при сохранении процессов глобализации очевидна их разнонаправленность. Концепт государственного суверенитета в логике формально-юридического и фактического аспектов позволяет не только объективно описывать, но и достоверно прогнозировать развитие общественных отношений и государственно-правовых процессов.

Формируется новая, реальная многополярность, требующая от государств выстраивания системы постоянного мониторинга предполагаемых и возможных в сегодняшних условиях таких опасных явлений, как риски, вызовы и угрозы, которые направлены на ущемление государственного суверенитета, создания современной системы эффективных гарантий государственного суверенитета при обязательном учете прав и свобод человека и гражданина.

Список использованной литературы

1. Фукуяма Ф. Конец истории? // Вопросы философии. 1990. № 3. С. 134–148.
2. Арзамаскин Н.Н., Смирнов С.В. Суверенитет современного государства в условиях глобализации : моногр. Ульяновск : УлГУ, 2012. 182 с.
3. Липень С.В. Сетевая парадигма и современное государство в юридических исследованиях начала XXI в. // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15, № 10. С. 11–19.
4. Миролубова С.Ю. Трансформация права на свободу передвижения в условиях активного использования технологий глубоких нейронных сетей // Журнал конституционного правосудия. 2020. № 3 (75). С. 31–39.
5. Алексеева М.В. Правовые основы формирования информационного пространства знаний в рамках законодательного установления правовых условий информационного суверенитета государства // Особенности государственного регулирования внешнеэкономической деятельности в современных условиях : матер. VI Всерос. науч.-практ. конф. Ростов н/Д : Ростовск. филиал Российск. таможенной акад., 2019. С. 263–271.
6. Арзамаскин Н.Н., Смирнов С.В. Некоторые особенности суверенитета современного государства в информационном пространстве // Правовое государство: теория и практика. 2021. № 1 (63). С. 9–22.
7. Беленков Д.В., Гюлазян П.А., Мазлумян Д.Э. Информационный суверенитет России и Европейского союза, информационная политика и информационное противоборство: сущность и содержание // Международный студенческий научный вестник. 2018. № 5. С. 312.
8. Ефремов А.А. Государственный суверенитет в условиях цифровой трансформации // Правоведение. 2019. Т. 63, № 1. С. 47–61.
9. Кучерявый М.М. Государственная политика информационного суверенитета России в условиях современного глобального мира // Управленческое консультирование. 2014. № 9 (69). С. 8–15.
10. Мохов А.Ю., Преснякова А.А. Информационная безопасность и информационный суверенитет Российской Федерации: правовые основы // Право и государство: теория и практика. 2020. № 4 (184). С. 76–78.
11. Россошанский А.В. Политический и информационный суверенитет в контексте процессов глобализации // Симбирский научный вестник. 2011. № 4 (6). С. 176–186.
12. Черняк Л.Ю. К вопросу о понятии информационного суверенитета: теоретический и сравнительно-правовой аспекты // Сибирский юридический вестник. 2012. № 3 (58). С. 117–122.

13. Шарифов М.Ш. Суверенитет в контексте информационных коммуникаций // *Философия социальных коммуникаций*. 2007. № 1 (3). С. 87–95.
14. Красинский В.В. Защита государственного суверенитета : моногр. М. : Норма, 2017. 608 с.
15. Смирнов С.В. «Цветная революция» как угроза государственному суверенитету в условиях глобализации // *Юридическая мысль*. 2016. № 4 (96). С. 13–16.
16. Смирнов С.В. Частные военные компании как угроза государственному суверенитету современного государства // *Правовое государство: проблемы понимания и реализации* : сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 10-летию журнала «Правовое государство: теория и практика» / отв. ред. Ф.Х. Галиев. Уфа, 2015. С. 98–102.
17. Смирнов С.В. Криптовалюты как вызов государственному суверенитету современного государства в условиях глобализации // *Проблемы статуса современной России: историко-правовой аспект* : сб. ст. Всерос. науч.-практ. конф. : в 2 ч. / отв. ред. Ф.Х. Галиев. Уфа, 2018. С. 29–35.
18. Смирнов С.В. К вопросу о необходимости исследования феномена «несостоявшихся государств» в рамках теории государства и права // *Образование. Наука. Научные кадры*. 2016. № 4. С. 13–16.
19. Бредихин А.Л., Проценко Е.Д. Государственный суверенитет Российской Федерации в свете поправок к Конституции Российской Федерации, принятых в 2020 г. // *Конституционное и муниципальное право*. 2020. № 11. С. 21–23.

References

1. Fukuyama F. The End of the Story? *Voprosy filosofii = Russian Studies in Philosophy*, 1990, no. 3, pp. 134–148. (In Russian).
2. Arzamaskin N.N., Smirnov S.V. *Suverenitet sovremennogo gosudarstva v usloviyah globalizacii* [Sovereignty of the Modern State in the Context of Globalization]. Ulyanovsk State University Publ., 2012. 182 p.
3. Lipen S.V. The Network Paradigm and the Modern State in Legal Studies at the Beginning of the 21st Century. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava = Actual Problems of Russian Law*, 2020, vol. 15, no. 10, pp. 11–19. (In Russian).
4. Miroljubova S.Yu. Transformation of the Right to Freedom of Movement in the Conditions of Active Use of Artificial Intelligence. *ZHurnal konstitucionnogo pravosudiya = Journal of Constitutional Justice*, 2020, no. 3 (75), pp. 31–39. (In Russian).
5. Alekseeva M.V. Legal Bases for the Knowledge Information Space Creation within the Framework of the Legislative Establishment of the Legal Condi-

tions for the Information Sovereignty of the State. *Osobennosti gosudarstvenno-go regulirovaniya vneshneekonomicheskoy deyatel'nosti v sovremennyh usloviyah. Materialy VI Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii* [Features of state regulation of foreign economic activity in modern conditions. Materials of the VI All-Russian Scientific and Practical Conference]. Rostov Branch of the Russian Customs Academy Publ., 2019, pp. 263–271. (In Russian).

6. Arzamaskin N.N., Smirnov S.V. Certain Features of the Contemporary State Sovereignty in the Information Space. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2021, no. 1 (63), pp. 9–22. (In Russian).

7. Belenkov D.V., Giulazian P.A., Mazlumian D.E Information Sovereignty of Russia and the European Union, Information Policy and Information Confrontation: Nature and Content. *Mezhdunarodnyj studencheskij nauchnyj vestnik = International Student Research Bulletin*, 2018, no. 5, pp. 312. (In Russian).

8. Efremov A.A. State Sovereignty in the Conditions of Digital Transformation. *Pravovedenie*, 2019, vol. 63, no. 1, pp. 47–61. (In Russian).

9. Kucheryavyi M.M. State Policy Information Sovereignty Russia in Today's Global World. *Upravlencheskoe konsul'tirovanie = Administrative Consulting*, 2014, no. 9 (69), pp. 8–15. (In Russian).

10. Mokhov A.Yu., Presnyakova A.A. Information Security and Information Sovereignty of the Russian Federation: Legal Basis. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika = Law and State: The Theory and Practice*, 2020, no. 4 (184), pp. 76–78. (In Russian).

11. Rossoshansky A.V. Political and Informational Sovereignty in Context of Globalization Processes. *Simbirskij nauchnyj vestnik = Simbirsk scientific journal vestnik*, 2011, no. 4 (6), pp. 176–186. (In Russian).

12. Chernyak L.YU. On the Concept Information Sovereignty: Theoretical and Comparative and Legal Aspects. *Sibirskij yuridicheskij vestnik = Siberian law herald*, 2012, no. 3 (58), pp. 117–122. (In Russian).

13. Sharifov M.Sh. Sovereignty in the Context of Information Communications. *Filosofiya social'nyh kommunikacij = Philosophy of Social Communications*, 2007, no. 1 (3), pp. 87–95. (In Russian).

14. Krasinskij V.V. *Zashchita gosudarstvennogo suvereniteta* [State Sovereignty Protection]. Moscow, Norma Publ., 2017. 608 p.

15. Smirnov S.V. «Color Revolution» as a Threat to the State Sovereignty in the Conditions of Globalization. *YUridicheskaya mysl' = Legal Thought*, 2016, no. 4 (96), pp. 13–16. (In Russian).

16. Smirnov S.V. Private Military Companies as Threats to the Sovereignty of the Modern State. In Galiev F.KH. (ed.). *Pravovoe gosudarstvo: problemy ponimaniya i realizacii. Sbornik statej Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy kon-*

ferencii [Legal State: Problems of Understanding and Implementation. Collection of Articles of the International Scientific and Practical Conference]. Ufa, 2015, pp. 98–102. (In Russian).

17. Smirnov S.V. Cryptocurrencies as a Challenge to the State Sovereignty of a Modern State in the Context of Globalization. In Galiev F.KH. (ed.). *Problemy statusa sovremennoj Rossii: istoriko-pravovoj aspekt. Sbornik statej Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii* [Problems of the Status of Modern Russia: Historical and Legal Aspect. Collection of Articles of the All-Russian Scientific and Practical Conference]. Ufa, 2018, pp. 29–35. (In Russian).

18. Smirnov S.V. On the Question of the Necessity to the Study the Phenomenon of «Failed States» in the Framework of the Theory of State and Law. *Obrazovanie. Nauka. Nauchnye kadry = Education. Science. Scientific Stuff*, 2016, no. 4, pp. 13–16. (In Russian).

19. Bredikhin A.L., Protsenko E.D. State Sovereignty of the Russian Federation in View of Amendments to the Constitution of the Russian Federation Adopted in 2020. *Konstitucionnoe i municipal'noe pravo = Constitutional and Municipal Law*, 2020, no. 11, pp. 21–23. (In Russian).

Информация об авторе

Смирнов Сергей Владимирович – кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Ульяновского государственного университета, г. Ульяновск; smsv@inbox.ru

Information about the Author

Smirnov Sergey Vladimirovich – Candidate of Sciences (Law), Assistant Professor of the Chair of Theory and History of the State and Law, Ulyanovsk State University, Ulyanovsk; smsv@inbox.ru

Для цитирования

Смирнов С.В. Направления совершенствования концепции государственного суверенитета в условиях «реальной многополярности» // Вестник Института права Башкирского государственного университета. 2021. № 3. С. 22–31. DOI 10.33184/vest-law-bsu-2021.11.3.

For citation

Smirnov S.V. Directions for Improving the Concept of State Sovereignty in the Conditions of Real Multipolarity. *Vestnik Instituta prava Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Institute of Law of the Bashkir State University*, 2021, no. 2, pp. 22–31. DOI 10.33184/vest-law-bsu-2021.11.3. (In Russian).

**КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО; КОНСТИТУЦИОННЫЙ
СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС; МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО****CONSTITUTIONAL LAW; CONSTITUTIONAL
LAW PROCEEDING; MUNICIPAL LAW**

УДК 342.8

DOI 10.33184/vest-law-bsu-2021.11.4

Е. Н. Босова

**О СООТНОШЕНИИ ПОНЯТИЙ
«ИЗБИРАТЕЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО»
И «ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО О ВЫБОРАХ»¹**

Дата поступления 13 сентября 2021 г.

Термины «избирательное законодательство» и «законодательство о выборах» в юридической литературе используют для обозначения правового регулирования выборов. Автор не соглашается с их тождественностью, предлагая рассматривать в широком и узком значении. Избирательное законодательство следует рассматривать в широком значении, поскольку оно охватывает избирательные правоотношения, регулируемые не только законами о выборах, но и нормами, содержащимися в смежных законах. Законодательство о выборах составляет основную часть избирательного законодательства.

Ключевые слова и фразы: закон; законодательство; избирательное право; выборы; кодекс.

E. N. Bosova

**ON THE CONCEPTS «ELECTORAL LEGISLATION»
AND «LEGISLATION ON ELECTIONS»**

The terms «electoral legislation» and «legislation on elections» in the legal literature are used to identify the election law. The author does not agree with

© Босова Е.Н., 2021

¹ Статья подготовлена при информационной поддержке Справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

their identity and suggests to consider them in a broad and narrow sense. The electoral legislation should be considered in a broad sense, as it governs electoral legal relations not only by electoral laws but also by rules contained in related laws. Legislation on elections forms the main part of election law.

Keywords and phrases: law; legislation; election law; elections; code.

Понятие «избирательное законодательство» в российской юридической науке не определено, чаще всего его отождествляют с понятием «законодательство о выборах». Причем в научных публикациях, посвященных выборам, избирательному праву, избирательной системе и т. п., почти повсеместно ученые оперируют исследуемыми понятиями фактически в равной степени в рамках одного научного исследования.

Обращение к понятийному исследованию неслучайно. По мнению И.П. Кожокаря, терминологическое расчленение законодательства на понятийные ряды позволяет не только обнаружить устойчивые связи между терминами, но и предупредить или устранить дефекты таких связей [1, с. 16]. Однако в современных научных работах по избирательному праву этому не уделено внимания. Так, наряду с термином «закон о выборах» используют и термин «избирательный закон». Ярким примером смешения терминов является работа Л.А. Нудненко, которая в двух соседних предложениях использовала сначала термин «избирательное законодательство», а затем «законодательство о выборах» в одном смысловом значении [2, с. 74].

Таким образом, исследуя проблемы правового регулирования выборов, ученые в своих научных трудах, как правило, используют понятия «избирательное законодательство» и «законодательство о выборах» как тождественные. Но мы считаем это неверным.

Объединяет рассматриваемые понятия термин «законодательство». Он не определен ни в одном нормативном правовом акте и используется в широком смысле как совокупность законов и подзаконных актов, в узком – как совокупность только законов. Решить эту проблему помогло бы принятие федерального закона о нормативных правовых актах, который мог бы официально закрепить данный термин, исключив тем самым двойственность его понимания. Но его отсутствие приводит к тому, что на практике для регулирования общественных отношений термин «законодательство» используется в широком смысле. При этом одни ученые считают, что широкое понимание рассматриваемого термина «работает на практику» [3, с. 270]. Другие полагают, что необходим «переход к правовому регулированию важнейших сфер общественной жизни именно законом» [4, с. 28], «к более узкой трактовке этого понятия ... как совокупности законов государства» [5].

Научная дискуссия по этому поводу достаточно широка. Мы поддерживаем мнение ученых о продвижении в сторону узкого понимания терми-

на «законодательство» и, соответственно, о необходимости правового регулирования общественных отношений только законом, что отвечает одному из признаков правового государства.

Но есть и другой важный аспект, требующий внимания. Отдавая предпочтение закону в регулировании общественных отношений, все же нужно учесть, что избирательные действия только законом регулироваться не могут и идти в данном направлении, по сути, было бы неверно. Уместно говорить о том, что законом должны регулироваться наиболее важные общественные отношения, к которым относится и право граждан избирать и избираться в органы государственной власти и органы местного самоуправления, в дальнейшем же в практической реализации правовые акты вполне могут регулировать отдельные действия. С другой стороны, правовое регулирование избирательных отношений в немалой степени осуществляется посредством подзаконных актов, а потому мы считаем, что необходимо оставлять пространство для подзаконного нормотворчества.

Например, в Федеральном законе от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» по отношению к избирательным действиям устанавливается соответствующее правовое регулирование, в частности подзаконными актами: в ст. 11 определены нормативные акты, регулирующие порядок проведения выборов и референдумов (помимо Конституции РФ и федеральных законов это также конституции (уставы) и законы субъектов Федерации, иные нормативные правовые акты о выборах [6, с. 131]); в ч. 4 и 5 ст. 11 указы Президента РФ рассматриваются как восполняющие недостаточность правового регулирования, дополняющие существующую законодательную базу о выборах и референдумах; согласно ст. 18 перечень труднодоступных и отдаленных местностей устанавливается законом субъекта Российской Федерации и др.

Таким образом, избирательные права граждан гарантируются не только федеральными законами, но и законами субъектов Федерации и подзаконными актами. При этом подзаконное нормотворчество не превышает разумно допустимого предела и призвано «разгрузить» федеральные законы, возлагая эту обязанность на субъектов, имеющих право принимать соответствующие подзаконные правовые акты: Центральную избирательную комиссию РФ, избирательные комиссии субъектов Федерации, избирательные комиссии муниципальных образований и (или) территориальные избирательные комиссии на выборах соответствующего уровня.

Следующим аспектом сопоставления рассматриваемых понятий является определение их более широкого и узкого смыслового значения.

В названии правовых актов, регулирующих процесс организации и проведения выборов различного уровня, используется термин «выборы». Однако избирательное законодательство помимо избирательных процедур включает и регламентацию гарантий избирательных прав граждан и другие действия, имеющие отношение к процедурам выборов и межвыборному периоду. Это не в целом законы, посвященные регулированию выборов, а законы, содержащие избирательные нормы, регулирующие отдельные избирательные правоотношения, возникающие в ходе избирательного процесса.

Кроме того, избирательное законодательство следует рассматривать как совокупность федеральных и региональных законов, поскольку установление общих принципов организации системы органов государственной власти и местного самоуправления является предметом совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов. Порядок избрания главы государства и депутатов нижней палаты российского парламента, устанавливается только Конституцией РФ и федеральными законами. В регулировании федеральных выборов субъекты Федерации наделены лишь правом принимать правовые акты, касающиеся отдельных вопросов: составление списков избирателей, создание избирательных участков, формирование избирательных комиссий. Региональные законы о выборах принимаются субъектами Федерации для регулирования выборов главы субъекта, депутатов парламента субъекта, выборных органов и выборных должностных лиц местного самоуправления, но они не должны противоречить федеральным законам.

Соотношение данных понятий вполне четко определил в своем диссертационном исследовании С.Д. Князев. Он также считает некорректным отождествление понятий «избирательное законодательство» и «законодательство о выборах», поскольку, по его мнению, законодательство о выборах – это лишь часть избирательного законодательства, в него не входят нормы, регламентирующие избирательные отношения, не связанные с организацией и проведением выборов. Ученый приходит к выводу, что юридически верным является обозначение норм избирательного права только избирательным законодательством [7, с. 154].

Таким образом, избирательное законодательство следует рассматривать в более широком смысле, поскольку оно включает в себя и понятие «законодательство о выборах» и регулируется не только законами о выборах, но и нормами, содержащимися в смежных законах (например, о политических партиях, о средствах массовой информации, ГПК РФ, УК РФ и др.). При этом термин «законодательство о выборах» используется в юридической литературе чаще, что можно объяснить наследием советского периода становления правовой основы государственных и муниципальных выборов и

формирования соответствующей терминологии. По нашему мнению, понятие «избирательное законодательство», охватывающее всю совокупность правового регулирования избирательных правоотношений, со временем может получить более широкое распространение.

Список использованной литературы

1. Кожокар И.П. Дефекты построения терминологических рядов системы права // Право и экономика. 2019. № 5. С. 14–17.
2. Нудненко Л.А. Развитие избирательного законодательства России в период с 1905 по 1917 г. // Конституционное и муниципальное право. 2015. № 9. С. 70–76.
3. Мелехин А.В. Теория государства и права : учебник. М. : Маркет ДС, 2007. 640 с.
4. Худойкина Т.В. Современное состояние Российского законодательства и его систематизация : матер. круглого стола // Государство и право. 1999. № 3. С. 21–37.
5. Теория государства и права : учебник для юрид. вузов / под ред. А.С. Пиголкина. М. : Городец, 2003. 544 с.
6. Научно-практический комментарий к Федеральному закону «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан РФ» / отв. ред. А.А. Вешняков. М., 2003. 896 с.
7. Князев С.Д. Избирательное право в правовой системе Российской Федерации (проблемы теории и практики) : дис. ... д-ра юрид. наук. Владивосток, 1999. 507 с.

References

1. Kozhokar I.P. Defects in Arrangement of Terminological Lists in the System of Law. *Pravo i ekonomika = Law and Economics*, 2019, no. 5, pp. 14–17. (In Russian).
2. Nudnenko L.A. Development of the Electoral Legislation of Russia during the Period from 1905 to 1917. *Konstitucionnoe i municipal'noe pravo = Constitutional and Municipal Law*, 2015, no. 9, pp. 70–76. (In Russian).
3. Melekhin A.V. *Teoriya gosudarstva i prava* [Theory of State and Law]. Moscow, Market DS Publ., 2007. 640 p.
4. Khudoikina T.V. The Russian Legislation and its Systematization. Round Table Materials. *Gosudarstvo i pravo = State and Law*, 1999, no. 3, pp. 21–37. (In Russian).

5. Pigolkin A.S. (ed.). *Teoriya gosudarstva i prava* [Theory of State and Law]. Moscow, Gorodets Publ., 2003. 544 p.

6. Veshnyakov A.A. (ed.). *Nauchno-prakticheskij kommentarij k Federal'nomu zakonu «Ob osnovnyh garantiyah izbiratel'nyh prav i prava na uchastie v referendumе grazhdan RF»* [Scientific and Practical Commentary to the Federal Law «On the Basic Guarantees of Electoral Rights and the Right of Citizens Participation in a Referendum of the Russian Federation»]. Moscow, 2003. 896 p.

7. Knyazev S.D. *Izбирatel'noe pravo v pravovoj sisteme Rossijskoj Federacii (problemy teorii i praktiki). Dokt. Diss.* [Electoral Law in the Legal System of the Russian Federation (Problems of Theory and Practice). Doct. Diss.]. Vladivostok, 1999. 507 p.

Информация об авторе

Босова Елена Николаевна –
кандидат юридических наук,
доцент, доцент кафедры
государственного права
Института права Башкирского
государственного университета,
г. Уфа; bosova_elena@mail.ru

Information about the Author

Bosova Elena Nikolayevna –
Candidate of Sciences(Law), Associate
Professor of the Chair of State Law,
Institute of Law, Bashkir State
University, Ufa;
bosova_elena@mail.ru

Для цитирования

Босова Е.Н. О соотношении понятий
«избирательное законодательство» и
«законодательство о выборах» // Вестник Института права Башкирского государственного университета. 2021. № 3. С. 32–37. DOI 10.33184/vest-law-bsu-2021.11.4.

For citation

Bosova E.N. On the Concepts «Electoral Legislation» and «Legislation on Elections». *Vestnik Instituta prava Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta* = *Bulletin of the Institute of Law of the Bashkir State University*, 2021, no. 3, pp. 32–37. DOI 10.33184/vest-law-bsu-2021.11.4. (In Russian).

УДК 347.9

DOI 10.33184/vest-law-bsu-2021.11.5

Ю. Б. Круглова, О. В. Мисякова

**КОНСТИТУЦИОННЫЕ ПРИНЦИПЫ СУДОПРОИЗВОДСТВА
И РАЗВИТИЕ СУДЕБНОЙ СИСТЕМЫ В РОССИИ**

Дата поступления 22 сентября 2021 г.

В статье рассматриваются современные проблемы развития конституционных принципов, совершенствования судопроизводства в российском государстве, а также влияние конституционных принципов на судопроизводство.

Ключевые слова и фразы: принципы; конституционные принципы; судопроизводство; самостоятельность; независимость.

Y. B. Kruglova, O. V. Misyakova

**CONSTITUTIONAL PRINCIPLES OF THE JUDICIAL
PROCEDURE AND THE JUDICIAL SYSTEM DEVELOPMENT
IN THE RUSSIAN FEDERATION**

The article discusses contemporary problems of developing constitutional principles of improving judicial procedures in the Russian Federation and the influence of constitutional principles on judicial proceedings.

Keywords and phrases: principles; constitutional principles; judicial procedure; autonomy; independence.

Конституционные принципы являются юридическими категориями, сложившимися достаточно давно, они совершенствовались на протяжении развития и трансформации государства и права в их единстве и взаимодействии. Несмотря на этот факт, вопрос о конституционных принципах, об их влиянии на совершенствование судопроизводства в российском государстве продолжает оставаться одним из дискуссионных и актуальных.

Под принципом права следует понимать основные положения, идеи, начала, являющиеся исходными для характеристики сущности правовых явлений,

в том числе таких правовых явлений, как судебная власть, судопроизводство, механизм реализации судебной власти, ее развития, трансформации.

На сегодняшний день единого взгляда исследователей на проблемы, связанные с классификацией, систематизацией конституционных принципов в отечественной юридической науке не имеется. Так, по мнению М.Н. Марченко, судебные принципы следует классифицировать на первичные и вторичные в зависимости от характера и правовой природы [1, с. 27]. Прослеживается иерархичность судебных принципов. К первичным принципам автор относит принципы и функции судебной власти, к вторичным – принципы и функции механизма реализации судебной власти.

Конституционные принципы придают целостность правовым нормам и правовым институтам, определяют их обособленность, специфичность для конкретного вида судопроизводства (видимо, не надо забывать, что конституция – это Основной закон государства). При помощи конституционных принципов дается наиболее верное толкование правовой нормы, в том числе обнаруживается возможный пробел или коллизия.

В теории принято подразделять конституционные принципы на общие и специальные. Общие принципы раскрывают специфику организации и деятельности конституционного судопроизводства, специальные направлены на определение сущности и основ организации некоторых институтов конституционного судопроизводства. К специальным принципам следует относить и частные принципы, которые имеют отношение к рассмотрению отдельных категорий дел.

Один из наиболее значимых конституционных принципов – принцип доступности правосудия, о чем говорится в ст. 46 Конституции РФ; доступность правосудия является одним из необходимых условий реализации субъектами права своих прав. Рассматриваемый принцип привлекал внимание и дореволюционных исследователей. Например, В.М. Семенов говорил о необходимости отнесения его к основным процессуальным принципам. Проблемным является тот факт, что для обычных граждан судебный процесс представляется сложно организованным, имеется сложность с оплатой высокой стоимости представительских услуг, отсутствием достаточного развития системы общественной правовой помощи населению [2, с. 34].

Правовая природа принципа такова, что не должно быть необоснованных, чрезмерных как правовых, так и практических препятствий для рассмотрения дела в судебном порядке, доступ к правосудию должен обеспечиваться для всех субъектов права вне зависимости от их правового статуса и материального положения, в том числе это касается и лиц, которые имеют ограниченные возможности, например, в силу своего заболевания.

Можно выделить несколько основных аспектов сущности принципа доступности правосудия. Во-первых, это отсутствие каких-либо препятствий в доступности правосудия; во-вторых, это наличие гарантий со стороны государства, которые бы обеспечивали доступность правосудия; в-третьих, деятельность всей судебной системы должна оцениваться в первую очередь в соответствии с ее территориальной доступностью и приемлемой стоимостью.

На практике имеют место необоснованные препятствия к доступности правосудия. Так, по мнению ряда авторов, это может выражаться формализме судейского усмотрения, которое может приводить к незаконному отклонению заявления [3, с. 56], что нередко воспринимается как ущемление прав и свобод граждан, отсутствие справедливости, равноправия и становится причиной правового нигилизма. В то же время в соответствии со ст. 18 Конституции РФ «права и свободы человека и гражданина являются непосредственно действующими. Они определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием»¹.

При этом согласно ст. 118 Конституции РФ судебная система, ее элементы должны формироваться либо на основе норм Основного закона, либо на основании норм, введенных федеральным конституционным законом. Все это обусловливается усилением роли и значения человеческого фактора в современном обществе, необходимостью воспитания уважительного отношения к Конституции страны и реализацией в нашей стране принципов подлинного конституционализма [4, с. 87–88; 5, с. 535–540].

Более того, как пишет Н.Н. Арзамаскин, «перед государственной властью стоит сейчас крайне трудная задача – в процессе осуществления реформ одновременно содействовать созданию прочной социальной базы, зарождению и развитию тех социальных групп, тех структур и институтов гражданского общества, которые могли бы "подставить плечо" государству, несущему пока основную нагрузку по преобразованию общества, а со временем взять на себя большую часть этой нагрузки. В этом – суть предстоящего социального контракта между обществом и государством» [6, с. 6–7].

В 2018 г. были внесены изменения в Федеральный конституционный закон «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации», суть которых – установление дополнительного порядка обжалования судебных решений, принятых по первой инстанции судами субъектов. Речь идет об

¹ Конституция РФ. Принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с изм., одобр. в ходе общерос. голосования 01.07.2020) [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru/> (дата обращения: 26.09.2021).

апелляционном и кассационном обжаловании. Перечень дел, которые подсудны судам субъектов по первой инстанции, определяется процессуальными кодексами. В частности, перечни содержатся в ГПК РФ и в КАС РФ.

Рассмотрим в качестве примера такие категории дел, как признание незаконным акта нормативного характера, принятого представительным органом местного самоуправления, и оспаривание кадастровой стоимости на объекты недвижимости.

Заявление о признании подается административным истцом (заинтересованным лицом или лицами) в суд субъекта, который рассматривает заявление в качестве суда первой инстанции. Если вынесенное решение не удовлетворяет какую-то одну сторону или даже обе стороны спора, то нормы КАС РФ (ст. 296) предусматривают возможность обратиться с апелляционной, а затем с кассационной жалобой в соответствующий суд¹. Апелляционная инстанция судов общей юрисдикции рассматривает жалобы из нескольких субъектов и территориально расположена в одном из субъектов России. Например, решения Ульяновского областного суда, принятые им по первой инстанции, в апелляционном порядке будут обжаловаться в четвертом апелляционном суде в Нижнем Новгороде. Если речь пойдет о кассационном обжаловании (кассационных судов на данный момент больше, чем апелляционных), то он располагается в Самаре.

А теперь вернемся непосредственно к реализации конституционного принципа доступности правосудия. Как уже было сказано, реализация принципа должна достигаться устранением различного рода препятствий в осуществлении физическими лицами права на защиту своего нарушенного права. При таком построении названных порядков обжалования можно говорить не о доступности правосудия, а, наоборот, об ограничении права физических лиц осуществлять защиту своих нарушенных прав с помощью судебных органов.

Как известно, апелляционный и кассационный порядок обжалования судебных актов, предоставляют возможность представления таких доказательств, которые не могли быть представлены в суде первой инстанции. Доказательства могут существовать как в письменной, так и в устной форме. Далеко не каждый субъект спора, с учетом того факта, что в основном это физические лица, имеет возможность приехать на судебное разбирательство из какого-нибудь поселка в другой субъект Федерации.

С другой стороны, с учетом особой значимости дел, которые рассматриваются судами субъектов по первой инстанции, удаленность судов апел-

¹ Кодекс административного судопроизводства РФ от 08.03.2015 № 21-ФЗ (ред. от 30.04.2021, с изм. от 15.07.2021) [Электронный ресурс] // Офиц интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru/> (дата обращения: 26.09.2021).

ляционной и кассационной инстанций от места нахождения административных органов, чьи решения оспариваются, потенциально гарантирует законность вынесенных решений.

Как же реализуются другие правовые принципы, связанные с процессуальным правом – самостоятельность и независимость?

По нашему мнению, баланс между принципами правосудия и, естественно, в построении судебной системы тоже должен быть основан на приоритете обеспечения доступности судебной защиты для отдельных граждан и неграждан. Обеспечение независимости судей должно осуществляться другими правовыми средствами, исключая возложение финансового бремени, связанного с рассмотрением споров с государственными органами, на отдельно взятого человека.

Список использованной литературы

1. Марченко М.Н. Судебное правотворчество и судебское право. М. : Проспект, 2008. 510 с.
2. Семенов В.М. Демократические основы гражданского судопроизводства в законодательстве и судебной практике : учеб. пособие. Свердловск : УрГУ, 1979. 80 с.
3. Борисова В.Ф. Процессуальные гарантии доступности правосудия при обращении в суд общей юрисдикции // Законы России: опыт, анализ, практика. 2015. № 5. С. 56–60.
4. Галиев Ф.Х. Правовая культура и вопросы воспитания уважительного отношения к Конституции страны // Реализация положений Конституции Российской Федерации в законодательстве : матер. Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 10-летию Конституции Российской Федерации : [в 2 ч.]. Челябинск, 2003. Ч. I. С. 87–88.
5. Усманова Р.М. Роль политических норм в публичном регулировании общественных отношений // Право и политика. 2012. № 5 (61). С. 535–540.
6. Арзамаскин Н.Н. Историко-теоретические проблемы становления и развития формы российской государственности / под ред. д-ра юрид. наук, проф. Р.Л. Хачатурова. 2-е изд., перераб. и доп. Ульяновск : УлГУ, 2008. 348 с.

References

1. Marchenko M.N. *Sudebnoe pravotvorchestvo i sudejskoe pravo* [Judicial Lawmaking and Judicial Law.]. Moscow, Prospekt Publ., 2008. 510 p.

2. Semenov V.M. *Demokraticheskie osnovy grazhdanskogo sudoproizvodstva v zakonodatel'stve i sudebnoj praktike* [Democratic Foundations of Civil Proceedings in Legislation and Judicial Practice]. Ural State University Publ., 1979. 80 p.

3. Borisova V.F. Procedural Guaranties of Accessibility of Justice in the Courts of General Jurisdiction. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika = Russian laws: experience, analysis, practice*, 2015, no. 5, pp. 56–60. (In Russian).

4. Galiev F.KH. Legal Culture and Issues of Fostering a Respectful Attitude towards the Constitution of the Country. *Realizaciya polozhenij Konstitucii Rossijskoj Federacii v zakonodatel'stve. Materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, posvyashchennoj 10-letiyu Konstitucii Rossijskoj Federacii* [Implementation of the Provisions of the Constitution of the Russian Federation in Legislation. Materials of the International Scientific and Practical Conference Dedicated to the 10th Anniversary of the Constitution of the Russian Federation]. Chelyabinsk, 2003, pt. I, pp. 87–88. (In Russian).

5. Usmanova R.M. The Role of Political Norms in Public Regulation of Public Relations. *Pravo i politika = Law and Policy*, 2012, no. 5 (61), pp. 535–540. (In Russian).

6. Arzamaskin N.N.; Khachaturov R.L. (ed.). *Istoriko-teoreticheskie problemy stanovleniya i razvitiya formy rossijskoj gosudarstvennosti* [Historical and Theoretical Problems of the Formation and Development of the Form of Russian Statehood]. 2nd ed. Ulyanovsk State University Publ., 2008. 348 p.

Информация об авторах

Круглова Юлия Борисовна –
кандидат юридических наук, доцент
кафедры государственного и
административного права
Ульяновского государственного
университета, г. Ульяновск;
Kindersurprais77@mail.ru;

Мисякова Оксана Викторовна –
кандидат юридических наук, доцент
кафедры теории и истории
государства и права Ульяновского
государственного университета,
г. Ульяновск; pychev@mail.ru

Information about the Authors

Kruglova Yulia Borisovna –
Candidate of Sciences (Law), Assistant
Professor of the Chair of State and
Administrative Law, Ulyanovsk State
University, Ulyanovsk;
Kindersurprais77@mail.ru;

Misyakova Oksana Viktorovna –
Candidate of Sciences (Law), Assistant
Professor of the Chair of Theory and
History of State and Law, Ulyanovsk
State University; pychev@mail.ru

Для цитирования

Круглова Ю.Б., Мисякова О.В. Конституционные принципы судопроизводства и развитие судебной системы в России // Вестник Института права Башкирского государственного университета. 2021. № 3. С. 38–44. DOI 10.33184/vest-law-bsu-2021.11.5.

For citation

Kruglova Y.B., Misyakova O.V. Constitutional Principles of the Judicial Procedure and the Judicial System Development in the Russian Federation. *Vestnik Instituta prava Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta* = *Bulletin of the Institute of Law of the Bashkir State Uiversity*, 2021, no. 3, pp. 38–44. DOI 10.33184/vest-law-bsu-2021.11.5. (In Russian).

**ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО, ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО,
СЕМЕЙНОЕ ПРАВО, МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО**

**CIVIL LAW, FAMILY LAW, BUSINESS LAW,
PRIVATE INTERNATIONAL LAW**

УДК 347

DOI 10.33184/vest-law-bsu-2021.11.6

Е. Б. Балякина

**ОБ ИНФОРМАЦИОННОМ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ
МЕДИЦИНСКИХ УЧРЕЖДЕНИЙ И ПАЦИЕНТОВ**

Дата поступления 13 сентября 2021 г.

В статье рассматриваются проблемы правового регулирования отношений, возникающих между медицинскими учреждениями и пациентами. В связи с распространением новой коронавирусной инфекции актуализировалась необходимость активного применения информационных технологий в рамках телемедицины, которые позволили бы осуществлять информационное взаимодействие медицинских учреждений в лице лечащих врачей и пациентов.

Ключевые слова и фразы: пандемия; интересы пациентов; информированность; пациент; телемедицина.

E. B. Balyakina

**ON HEALTHCARE INSTITUTIONS AND PATIENTS
INFORMATION EXCHANGE**

The article discusses the problems of legal regulation between healthcare institutions and patients. Due to the spread of the new Coronavirus infection, the need for information technologies active use in telemedicine has become more urgent, it enables to realize the information exchange of medical institutions in the form of doctors and patients.

Keywords and phrases: pandemic; patients interests; sensibilisation; patient; telemedicine.

Ситуация с пандемией COVID-19, коснувшаяся каждого человека не только в России, но и в мире, заставила изменить взгляды на привычные вещи. Речь идет не только об активном использовании средств индивидуальной защиты в обычной жизнедеятельности и установлении на законодательном уровне требований об их применении. В сложившейся обстановке проявились недостатки правового регулирования отношений, возникающих между медицинскими учреждениями и пациентами.

Учитывая характер распространяющегося заболевания, его масштабы, мы столкнулись с проблемой заполнения стационарных лечебных учреждений, в связи с чем многие люди были вынуждены получать лечение в домашних условиях. Помимо COVID-19 у некоторых пациентов были диагностированы иные заболевания, схожие по своим симптомам с коронавирусной инфекцией. Посещение врачом пациента с установленным диагнозом COVID-19 на дому создавало угрозу распространения инфекции и заражения пациентов с другими заболеваниями. В этой ситуации сбор сведений о состоянии пациентов мог бы осуществляться с помощью информационных технологий, обеспечивающих бесконтактное взаимодействие врача и пациента. Отметим, что цифровые технологии проникают в различные сферы общественной жизни. Если ранее это касалось таких сфер, как бизнес, образование, оказание государственных услуг, то в настоящее время внимание акцентируется на социальной сфере. Как справедливо отмечает В.М. Сайфутдинова, «внедрение данной системы, безусловно, повышает качество и эффективность государственного управления в области социального обеспечения и особенно государственной социальной помощи» [1, с. 60].

Цифровые технологии, применяемые в медицине и получившие название «телемедицина», направлены на сбор, анализ жалоб пациента и данных анамнеза, а также на оценку эффективности лечебно-диагностических мероприятий, медицинское наблюдение за состоянием здоровья пациента (п. 2 ст. 36.2 ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»¹ (далее – Основы).

Очное взаимодействие врача и пациента, страдающего инфекционным или вирусным заболеванием, может не только навредить самому врачу, но и способствовать распространению заболевания при посещении других пациентов. Рассматривая нравственные и этические качества врачей, ряд авторов отмечают, что врачу необходимо терпение и выдержка при общении с абсолютно разными по характеру пациентами, сравнивая выслушивание жалоб больного с его исповедью [2, с. 42].

¹ Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации : федер. закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2011. № 48, ст. 6724.

Однако помимо сбора жалоб на состояние здоровья необходимо сообщать пациенту о результатах его обследования, что в целом было отчасти реализовано путем направления смс-сообщений на мобильные телефоны пациентов, сдавших анализ на наличие заболевания COVID-19. А.Е. Чирикова и С.В. Шишкин подчеркивают, что пациенты ждут от врачей больше информации об установленном диагнозе, о методах лечения, его продолжительности и т. д., а также участия в принятии решений о проведении лечения [3, с. 155–156].

Также следует отметить проблему информационного взаимодействия, возникающую по поводу хранения медицинской карты в лечебном учреждении, к которому пациент прикреплен и в котором он получает медицинские услуги. Зачастую права пациентов на информированность о состоянии их здоровья, в том числе сведения о результатах медицинского обследования, наличии заболевания, об установленном диагнозе и о прогнозе развития заболевания, методах оказания медицинской помощи, связанном с ними риске, возможных видах медицинского вмешательства, его последствиях и результатах оказания медицинской помощи нарушаются, хотя такое право закреплено в ст. 22 Основ. В целях соблюдения врачебной тайны (ст. 13 Основ) медицинская карта, содержащая сведения о пациенте и состоянии его здоровья, хранится в медицинском учреждении и выдается пациенту на руки только при обращении к врачу. Внедрение электронных медицинских карт, доступ к которым предоставлен медицинскому учреждению и самому пациенту, решило бы проблему информированности пациента о ее содержании. Кроме того, в случае необходимости предоставления выписки из медицинской карты такая выписка может быть предоставлена в электронном виде, заверена электронной подписью главного врача медицинского учреждения.

Таким образом, представляется целесообразной и необходимой разработка информационной системы, обеспечивающей взаимодействие врачей и пациентов, с внедрением в нее электронных медицинских карт, содержащих информацию о самом пациенте, а также сведения об оказанной помощи, назначениях и рекомендациях врачей по поводу лечения и профилактики заболеваний. Развитие цифровых технологий позволило бы снизить количество посетителей в медицинских учреждениях, что является необходимым в период распространения новой коронавирусной инфекции.

Список использованной литературы

1. Сайфутдинова В.М. Информатизация в праве социального обеспечения // Правовое государство: теория и практика. 2020. Т. 16, № 4-2. С. 57–66.

2. Взаимодействие врача и пациента – высокое искусство в достижении здоровья / Н.Н. Пилипцевич [и др.] // Вопросы организации и информатизации здравоохранения. 2012. № 3. С. 41–50.

3. Чирикова А.Е., Шишкин С.В. Взаимодействие врачей и пациентов в современной России: векторы изменений // Мир России. Социология. Этнология. 2014. № 2. С. 154–182.

References

1. Saifutdinova V.M. Informatization in Social Security Law. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = The Rule of Law State: Theory and Practice*, 2020, vol. 16, no. 4-2, pp. 57–66. (In Russian).

2. Pilipstsevich N.N., Pavlovich T.P., Pilipstsevich A.N., Koroed E.A. Doctor – Patient Team-up Is High Art in Attaining Health. *Voprosy organizacii i informatizacii zdavoohraneniya = Issues of Organization and Information Health Care*, 2012, no. 3, pp. 41–50. (In Russian).

3. Chirikova A.E., Shishkin S.V. Interaction Between Doctors and Patients in Russia: Vectors of Change. *Mir Rossii. Sociologiya. Etnologiya = Universe of Russia. Sociology. Ethnology*, 2014, no. 2, pp. 154–182. (In Russian).

Информация об авторе

Балякина Елена Борисовна – кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры гражданского права Института права Башкирского государственного университета, г. Уфа; Elena_f@ufanet.ru

Information about the Author

Balyakina Elena Borisovna – Candidate of Sciences (Law), Senior Instructor of the Chair of Civil Law, Institute of Law, Bashkir State University, Ufa; Elena_f@ufanet.ru

Для цитирования

Балякина Е.Б. Об информационном взаимодействии медицинских учреждений и пациентов // Вестник Института права Башкирского государственного университета. 2021. № 3. С. 45–48. DOI 10.33184/vest-law-bsu-2021.11.6.

For citation

Balyakina E.B. On Healthcare Institutions and Patients Information Exchange. *Vestnik Instituta prava Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Institute of Law of the Bashkir State University*, 2021, no. 2, pp. 45–48. DOI 10.33184/vest-law-bsu-2021.11.6. (In Russian).

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ; УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGY; CRIMINAL AND PENAL LAW

УДК 343.953

DOI 10.33184/vest-law-bsu-2021.11.7

Е. А. Егорышева, И. Е. Козырева

*Как страшен может быть разум,
если он не служит человеку.*

Софокл

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИЧИНЫ АГРЕССИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ ПРЕСТУПНИКОВ

Дата поступления 7 сентября 2021 г.

В статье рассматривается проблема агрессивности, ее истоки и модели реализации. Анализируется эмоциональный профиль, характерный для индивида с агрессивными проявлениями поведения. Данный профиль включает эмоции, определенные К. Изардом как триада враждебности: «гнев – отвращение – презрение». Особое внимание уделяется проблеме агрессивности личностей с паранойяльным характером. Приводится описание такого типа личности и присущих ей моделей поведения, данное П.Б. Ганнушкиным. Делается вывод о том, что главным свойством личностей с паранойяльным характером является наличие так называемых сверхценных идей, во власти которых они оказываются. Эти идеи определяют их модели поведения, при этом главной идеей является сверхценность собственной личности, постоянное самодовольство и чрезмерное самомнение. Отдельно упоминаются включенные в группу с паранойяльным характером так называемые фанатики, мировоззрение которых состоит из небольшого количества заимствованных идей, которым они верны до самой смерти и которые они не испытывают потребности осмысливать, что делает их орудием для реализации самых агрессивных моделей поведения. Помимо внутренних причин агрессии авторы приводят также внешние, в частности эффект прайминга, действие которого заключается в том, что какое бы негативное событие

не освещалось СМИ, обязательно найдется лицо или группа лиц, которые захотят повторить увиденный сценарий преступления. Анализируются взгляды таких авторов, как Э. Фромм, Д. Доллард, Л. Берковиц, А. Бандура, Р. Сапольски, Ю.М. Антонян и др.

Ключевые слова и фразы: агрессия; агрессивное поведение; психическая инфляция; эффект прайминга; фанатизм; криминальная патопсихология.

E. A. Yegorysheva, I. E. Kozyreva

CRIMINALS AGGRESSION: PSYCHOLOGICAL REASONS

The article deals with the problem of aggressiveness, its origins and implementation models. The emotional sector of the individual with aggressive behaviour is analysed. This sector includes emotions defined by K. Izard as a triad of hostility: «anger – disgust – contempt». Particular attention is paid to the problem of paranoid aggressors. A description of this type of personality and its patterns of behaviour is given by P.B. Gannushkin. The conclusion is that paranoid individuals' main characteristic is the existence of the so-called super-valuable ideas in which they find themselves. These ideas define patterns of behavior of such persons, with the main idea of their supervalue, their constant complacency and excessive ego. A special attention is paid on a group of paranoiac persons so-called fanatics, whose world view consists of a small number of borrowed ideas to which they are faithful until their death and they have no need to comprehend them, it makes them a tool for the most aggressive behavior. In addition to the internal aggression causes, the authors also give the external ones, such as the priming effect: whatever negative event is covered by the media, there is a person or a group of persons who want to repeat the crime scenario they see. The views of such authors as E. Fromm, D. Dollard, L. Berkowitz, A. Bandura, R. Sapolsky, U.M. Antonyan and others are analysed.

Keywords and phrases: aggression; aggressive behaviour; mental inflation; priming effect; fanaticism; criminal pathology.

Проблеме агрессивности и агрессивного поведения, ее истоков и моделей реализации, причин формирования конфликтной личности уделялось и уделяется достаточно много внимания. Существуют незаслуженно забытые работы на данную тему, например таких авторов, как Э. Фромм, П.Б. Ганнушкин, Р. Бэрн, Ю.М. Антонян, В.В. Гульдман, Ф. Зимбардо, Р. Сапольски и др., которые помогают понять истоки агрессивного поведения и предлагают пути снижения уровня агрессивности в социуме.

Человечество уже более 76 лет живет без глобальных войн, которые были гораздо страшнее преследующих его в настоящее время эпидемий и

уносили миллионы жизней. Казалось бы, происходящее должно способствовать пониманию скоротечности бытия и формированию позитивных установок в противовес существующим, но, к сожалению, отрицательная харизма и агрессивные модели поведения являются повсеместно распространенным явлением.

Один из выдающихся ученых XX в., Э. Фромм, ряд своих работ посвятил анализу агрессивности. В их числе «Анатомия человеческой деструктивности», «Бегство от свободы», «Человек для самого себя» и многие другие. В них он попытался осмыслить истоки агрессивности и пути ее преодоления. В частности, в «Анатомии человеческой деструктивности» он называл следующие причины: агрессия как самоутверждение; агрессия как врожденный импульс борьбы за свободу; агрессия, обусловленная страхом и желанием защититься; агрессия и сопротивление (нежелание признаться самому себе в собственных запретных желаниях, боясь неодобрительной реакции окружающих, и проявление в связи с этим агрессивных моделей поведения); инструментальная агрессия, провоцирующая патологическую жадность, переходящую в алчность, и формирующая тип личности вечно недовольного и ненасытного человека или круга лиц, склонных отнимать у других им принадлежащее с помощью агрессивных действий (например, в ходе вооруженных конфликтов); связь агрессии и конформизма в ситуациях, где агрессивное поведение является следствием слепого подчинения приказам.

Одной из фундаментальных причин агрессивного поведения является связь с нарциссизмом, индивидуальным или групповым делением на своих и чужих, когда правила и идеи, принятые в группе, являются единственно верными, а к тем, кто не разделяет данную точку зрения, могут быть применены различные модели агрессивного подавления. Эта идея Э. Фромма тесно связана со взглядами другого выдающегося ученого XX в. – К.Г. Юнга, сформулировавшего понятие психической инфляции.

Инфляция (Inflation) – психическое состояние, в котором человек испытывает любое нереальное чувство своей идентичности (либо слишком высокое – мания величия, либо слишком низкое – депрессия); преувеличенное ощущение своей важности, которое зачастую компенсируется чувством неполноценности; дезориентация, сопровождаемая либо чувством огромной значимости и уникальности, либо, наоборот, ощущением своей никчемности и незначительности; выход личности за пределы своих собственных границ за счет идентификации с персоной или, в патологических случаях, с исторической или религиозной фигурой (в настоящее время все это олицетворяет Интернет).

«Сознание в состоянии инфляции всегда эгоцентрично и не способно осознавать ничего, кроме собственного существования. Оно неспособно учиться у прошлого, неспособно понимать происходящее сейчас и неспособ-

но делать правильные заключения относительно будущего. Оно загипнотизировано самим собой, и поэтому с ним бесполезно спорить. Оно неизбежно обрекает себя на бедствия и катастрофу, приводящие в конечном итоге к своему собственному уничтожению, и провоцирует агрессивное поведение» [1].

Для проявления агрессивных действий, помимо внешних условий, необходим еще и определенный набор личностных качеств – характер. В своей работе «Клиника психопатий: их статика, динамика и систематика» русский ученый П.Б. Ганнушкин дает описание такого типа личности с параноическим характером и присущих ей моделей поведения. Также П.Б. Ганнушкиным дается характеристика личностей, по многим личностным показателям схожих с представителями данного типа, но характеризует их как фанатиков, которые, в отличие индивидов с параноическим характером, слепо следуют, реализуя заимствованные идеи. Им присуща уже упомянутая психическая инфляция, делающая их орудием для реализации самых агрессивных моделей поведения.

Давая описание личностей с паранойяльным характером, П.Б. Ганнушкин говорит следующее: для таких индивидов самым главным свойством является образование так называемых сверхценных идей, во власти которых они оказываются и которые определяют их модели поведения. Главная идея – сверхценность собственной личности, постоянное самодовольство и чрезмерное самомнение. Все, что не имеет отношения к индивиду, ему не интересно. Он не прощает ни равнодушия, ни несогласия; те, кто не разделяет их точку зрения, или глуп, или личный враг. Это, как правило, борцы за идею, люди односторонних, но сильных аффектов, неуживчивые, агрессивные, никого не любящие и никем не любимые, всегда находящиеся в состоянии нападения, но любящие выдавать себя за обиженных. В каждом поступке и взгляде других, не совпадающих с их собственным, они видят желание оскорбить, нарушить их права. Имеют большое количество врагов, как реальных, так и воображаемых. Мстительны, злопамятны, не забывают ни одной мелочи и через много лет по возможности мстят тем, кто, как они считают, этого заслуживает. В борьбе за свои права изобретательны, умело отыскивают сторонников, убеждая всех в своем бескорыстии, безжалостны по отношению к другим.

В группу личностей с паранойяльным характером, входят и так называемые фанатики. Однако они не выдвигают на передний план свое эго, а служат заимствованным идеям, из которых состоит их мировоззрение. Этим идеям фанатики верны до самой смерти, они не испытывают потребности осмысливать их, им достаточно веры. Другие для фанатиков – орудие для достижения целей (инквизиторы, например), они безразличны, холодны, требовательны, строги. Главная их сила в несокрушимой воле, к голосу разума они глухи, преследования их только закаляют. Под их руководством со-

вершаются чудовищные преступления: пытки, убийства, самосожжения и т. п. Их жизненный путь, как отмечает П.Б. Ганнушкин, это путь борьбы, приводящий к конфликту с законом [2].

Анализируя классификацию П.Б. Ганнушкина, следует сказать, что описанные им агрессивные модели поведения присущи индивидам с психопатическими наклонностями.

По определению Американской психиатрической ассоциации, психопат характеризуется как личность, поведение которой, преимущественно аморальное и антисоциальное, характеризуется импульсивными и безответственными действиями, направленными на немедленное удовлетворение возникающих нарциссических интересов, без учета возможных последствий этих действий и без последующего чувства тревоги и вины.

Любая черта характера, как писал К. Леонард в своей работе «Акцентуированные личности», имеет не только качественную окраску, но и количественную выраженность, и в данном случае, говоря о характере описанных нами индивидов, имеются в виду личности, у которых эти качества ярко выражены, и тем не менее они социализированы и могут иметь большое влияние на окружающих, побуждая их к агрессивным действиям.

Для индивида с агрессивными тенденциями поведения характерен также определенный эмоциональный профиль. Автор фундаментального труда «Психология эмоций» К. Изард характеризует его как триаду враждебности, в которую включены следующие эмоции:

1) гнев – эмоциональное состояние, отрицательное по знаку, как правило, протекающее в форме аффекта и вызываемое внезапным возникновением серьезного препятствия на пути удовлетворения исключительно важной для субъекта потребности;

2) отвращение – отрицательное эмоциональное состояние, вызываемое объектами (предметами, людьми, обстоятельствами и др.), соприкосновение с которыми (физиологическое взаимодействие, коммуникация в общении и пр.) вступает в резкое противоречие с идеологическими, нравственными или эстетическими принципами и установками субъекта. Отвращение, если оно сочетается с гневом, может в межличностных отношениях вызвать агрессивное поведение, где нападение мотивируется гневом, а отвращение – желанием избавиться от кого-либо или чего-либо;

3) презрение – отрицательное эмоциональное состояние, возникающее в межличностных взаимоотношениях и порождаемое рассогласованием жизненных позиций, взглядов и поведения субъекта с жизненными позициями, взглядами и поведением объекта чувства. Последние представляются субъекту как низменные, не соответствующие принятым нравственным нормам и эстетическим критериям.

Эти характерологические особенности у индивидов с нарциссическими установками, наличием психической инфляции сознания также провоцируют агрессивное поведение.

Для индивидов, реализующих в своем поведении триаду враждебности и обладающих психопатическими наклонностями, характерен также еще один весьма распространенный вид агрессивности, описанный Р. Сапольски в его работе «Биология добра и зла. Как наука объясняет наши поступки». По мнению ученого, агрессивность – это вымещение раздражения на других. Например, увеличение количества случаев избиения жен и детей во время экономического кризиса. И таких примеров можно привести огромное множество. Вся так называемая бытовая агрессивность – это реализация невозможности противостоять сильному и вымещение, перенесение агрессивных моделей поведения на слабых и беззащитных.

В 1991 г. Ю.М. Антонян и В.В. Гульдан издали работу «Криминальная патопсихология», в которой на основании многочисленных исследований создали портрет преступника с психическими аномалиями. Ими описаны пять основных личностных характеристик преступника, к которым относятся тревожность, внушаемость, ригидность, агрессивность и жестокость. В работе дается следующее определение агрессивности: это реакция личности на фрустрацию потребностей и конфликт, выражающаяся в субъективной тенденции к враждебному поведению, направленному на полное или частичное подавление другого человека или других людей, их ограничение, управление ими, на причинение им ущерба или страданий. Однако в отличие от жестокости причинение ущерба, страданий и мучений не является самоцелью, то есть агрессивные действия не планируются и не совершаются ради причинения ущерба, страданий или мучений [3, с. 125].

Впоследствии Ю.М. Антоняном была издана «Теория человеческой агрессивности. Почему жестоки люди» – первое в России комплексное исследование, специально посвященное человеческой агрессии.

Традиционно агрессивность связывают с фрустрацией, стрессом рухнувших надежд, но теории, объясняющие такое явление, как агрессивность, прошли определенный путь развития. На первом этапе это были биологизаторские теории, говорящие о том, что если человек вышел из животного мира, то ему присущ инстинкт агрессивности. На следующем этапе агрессивность рассматривалась как приобретенное качество, проявляющееся и укрепляющееся как реакция человека на ущемление жизненно важных потребностей по вине других людей, а в 1939 г. группой социологов во главе с Д. Доллардом был опубликован труд «Фрустрация и агрессия», в котором авторы пришли к выводу, что корни любой агрессии в разочаровании, которое приводит к ряду реакций, в том числе агрессивных.

Следующий этап был ознаменован работами «Агрессия: причины, последствия и контроль» Л. Берковица и «Теория социального научения» А. Бандуры, сформулировавшего идею о том, что агрессия – это в том числе результат социального научения, демонстрация в СМИ насилия и жестокости повышает вероятность агрессии. Именно эта теория объясняет похожие по сценарию преступления, основанные на действии эффекта прайминга, который заключается в том, что какое бы негативное событие не освещалось СМИ, обязательно найдется лицо или группа лиц, которые захотят повторить увиденный сценарий преступления. Например, один террорист давит людей на автомобиле в Ницце, другой – на Рождественской ярмарке в Берлине, третий – на улице Рамбла в Барселоне, и таких примеров можно привести, к сожалению, множество. В настоящее время две последние теории объясняют противоправное и агрессивное поведение: индивид переживает неблагоприятные для него ситуации и считает, что преодоление возможно только через совершение преступления. Таким образом, одним из путей, нивелирующих агрессивное поведение, является надлежащий процесс обучения соблюдению социальных норм, формированию эмпатии, умению психологически грамотно выходить из конфликтных ситуаций.

Закончить хотелось бы оптимистическим взглядом на проблему, который высказал Э. Фромм, автор, с идеей которого мы начинали размышление на эту многоплановую, всегда актуальную тему, в работе «Человек для самого себя»: «ни добро, ни зло не predeterminedены и не реализуются автоматически. Решение остается за человеком. Оно зависит от его способности относиться к самому себе, к своей жизни и к счастью всерьез, оно зависит от его готовности решать и свои собственные нравственные задачи, и нравственные проблемы всего общества. Оно, наконец, зависит от его мужества быть самим собой и быть для себя» [4, с. 284]. Таким образом, можно сказать, что у индивида всегда есть свобода выбора при движении по жизненному пути, и какая тенденция будет доминировать (просоциальное или агрессивное поведение) – зависит от личностных качеств, надлежащего воспитания (например, преподавания психологии и права в течение всего периода обучения в школе), атмосферы в обществе, стимулирующей развитие положительных черт характера: альтруизма, взаимопомощи и взаимоуважения.

Список использованной литературы

1. Зеленский В.В. Толковый словарь по аналитической психологии (с английскими и немецкими эквивалентами). 3-е изд., испр. и доп. М. : Когито-Центр, 2008. 336 с. URL: <http://vocabulary.ru/dictionary/11/word/infljacija>.

2. Ганнушкин П.Б. Клиника психопатий: их статика, динамика, систематика. М. : Мед. кн. ; Н. Новгород : Изд-во НГМА, 2000. 121 с. URL: <http://drlev.ru/book/gannushkin.pdf>.

3. Антонян Ю.М., Гульдан В.В. Криминальная патопсихология. М. : Наука, 1991. 248 с.

4. Фромм Э. Человек для самого себя. М. : АСТ, 2010. 350 с.

References

1. Zelensky V.V. *Tolkovyj slovar' po analiticheskoj psihologii (s anglijskimi i nemeckimi ekvivalentami)* [Explanatory Dictionary of Analytical Psychology (with English and German Equivalents)]. 3rd ed. Moscow, Cogito Center Publ., 2008. 336 p. Available at: <http://vocabulary.ru/dictionary/11/word/infljacija>.

2. Gannushkin P.B. *Klinika psihopatij: ih statika, dinamika, sistematika* [Psychopathies Clinic: Statics, Dynamics, Systematics]. Moscow, Medicinskaya Kniga Publ., Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod State Medical Academy Publ., 2000. 121 p. Available at: <http://drlev.ru/book/gannushkin.pdf>.

3. Antonyan YU.M., Gul'dan V.V. *Kriminal'naya patopsihologiya* [Criminal Pathopsychology]. Moscow, Nauka Publ., 1991. 248 p.

4. Fromm E. *CHelovek dlya samogo sebya* [Man for Himself]. Moscow, AST Publ., 2010. 350 p.

Информация об авторах

Егорышева Елена Александровна – кандидат юридических наук, доцент кафедры криминалистики Института права Башкирского государственного университета, г. Уфа; helena0503@mail.ru

Козырева Ирина Евгеньевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры криминалистики Института права Башкирского государственного университета, г. Уфа; irinak75@gmail.com

Information about the Authors

Yegorysheva Elena Alexandrovna – Candidate of Sciences (Law), Assistant Professor of the Chair of Criminalistics, Institute of Law, Bashkir State University, Ufa; helena0503@mail.ru

Kozyreva Irina Evgenyevna – Candidate of Sciences (Law), Assistant Professor of the Chair of Criminalistics, Institute of Law, Bashkir State University, Ufa; irinak75@gmail.com

Для цитирования

Егорышева Е.А., Козырева И.Е.
Психологические причины агрессивного поведения преступников // Вестник Института права Башкирского государственного университета. 2021. № 3. С. 49–57. DOI 10.33184/vest-law-bsu-2021.11.7.

For citation

Yegorysheva E.A., Kozyreva I.E.
Criminals Aggression: Psychological Causes. *Vestnik Instituta prava Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta* = *Bulletin of the Institute of Law of the Bashkir State University*, 2021, no. 2, pp. 49–57. DOI 10.33184/vest-law-bsu-2021.11.7. (In Russian).

УДК 343.9

DOI 10.33184/vest-law-bsu-2021.11.8

Е. В. Сандальникова

ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ КИБЕРПРЕСТУПНОСТИ В СИСТЕМЕ РОССИЙСКОГО ПРАВА И СИСТЕМЕ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Дата поступления 21 сентября 2021 г.

В статье обосновывается целесообразность теоретико-правовой идентификации киберпреступности в системе российского права и системе российского законодательства. В связи с этим поднимается вопрос более общего характера: об адаптации новой категории в теории права, критериях и основаниях ее включения в теоретико-категориальный аппарат теории государства и права. В результате проведенного исследования делается вывод о необходимости нормативной детализации понятия киберпреступности, отграничения ее от смежных правовых категорий, определяются место и роль новой категории киберпреступности в понятийно-категориальном аппарате российского права и законодательства.

Ключевые слова и фразы: теория государства и права; понятийно-категориальный аппарат; киберпреступность; цифровая преступность; ответственность за киберпреступления.

E. V. Sandalnikova

LEGAL AND THEORETICAL IDENTIFICATION OF CYBERCRIME IN THE RUSSIAN LAW SYSTEM AND IN THE RUSSIAN LEGISLATION SYSTEM

The article justifies the usefulness of a theoretical and legal identification of cybercrime in the system of Russian law and the system of Russian legislation. This raises the question of a more general nature: the adaptation of the new category in the theory of law, the criteria and the grounds for its inclusion in the theoretical-categorical apparatus of State and law. The study concludes that there is a need for normative detail on the concept of cybercrime, distinguishing it from related legal categories, and defining the place and role of the new category of cybercrime in of cybercrime in its conceptual and categorical apparatus.

Keywords and phrases: theory of state and law; conceptual and categorical apparatus; cybercrime; digital crime; responsibility for cybercrime.

Правовая наука в целом и общая теория государства и права в частности испытывают потребность в решении вопроса о критериях включения той или иной новой категории в число юридических и теоретико-правовых. На примере теоретико-правовой идентификации киберпреступности постараемся в этой статье данную проблематику поставить как вопрос для обсуждения.

Киберпреступность в настоящее время вышла далеко за рамки национальных проблем и занимает свое место среди актуальных проблем международного, транснационального уровня. По данным исследователей, в современный период пользователями сети Интернет в мире являются более 4,5 млрд человек, что составляет более половины населения всего земного шара¹. Естественно, что вместе с ростом пользователей сети Интернет растет интерес криминального мира к ее использованию для извлечения прибыли и иных результатов преступной деятельности.

О том, что в настоящее время киберпреступность «прогрессирует», свидетельствуют статистические данные Министерства внутренних дел РФ, согласно которым в 2020 г. на 1,6 % был отмечен рост всех зарегистрированных преступлений по причине того, что преступления все чаще совершаются с применением IT-технологий. Непосредственно криминальных деяний, совершенных в информационной сфере, с января по май 2021 г. зарегистрировано на 25,7 % больше, чем в этот же период 2020 г., в том числе на 48,4 % больше преступлений совершено в Сети и при помощи сети Интернет и на 40,1 % больше преступлений с использованием компьютерной техники. Если с января по май 2020 г. удельный вес преступлений в сфере высоких технологий составлял 21,7 %, то за аналогичный период этого года – уже 26,8 %². При этом в России, по данным Генеральной прокуратуры, раскрывается меньше 25 % киберпреступлений, и это следует трактовать крайне негативно, учитывая тот факт, что количество таких преступлений за последние пять лет увеличилось в 25 раз³.

¹ Сергеева Ю. Вся статистика интернета на 2020 год – цифры и тренды в мире и в России [Электронный ресурс]. URL: <https://www.web-canape.ru/business/internet-2020-globalnaya-statistika-i-trendy/> (дата обращения: 18.09.2021).

² Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь – май 2021 г. [Электронный ресурс] // Офиц. сайт МВД России. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/24742236> (дата обращения: 20.09.2021).

³ Егоров И. Генпрокурор рассказал о росте числа киберпреступлений в России [Электронный ресурс] // Российская газета. 2020. 17 июля. URL: <https://rg.ru/2020/07/17/genprokuror-rasskazal-o-roste-chisla-kiberprestuplenij-v-rossii-v-25-raz.html> (дата обращения: 20.09.2021).

В то же время, несмотря на остроту проблемы противодействия киберпреступности, в современной международной и российской практике имеются противоречия и трудности в выработке единых подходов к определению самого понятия киберпреступности.

Разработка государственной политики в области противодействия киберпреступности в современный период активно продвигается, хотя налицо немало проблем, связанных с реализацией мероприятий, предусмотренных в рамках ее продвижения. Это проблемы обеспечения информационной безопасности различных категорий граждан, организаций, органов власти в сети Интернет, а также проблемы обеспечения защиты персональных данных и противодействия преступности в области цифровой экономики.

Сложность, которую осознает власть, состоит в том, что информация – ресурс, объект, имеющий свою специфику и в силу этого отличающийся особенностями защиты при ее распространении, обеспечении доступа к ней или, наоборот, ограничении доступа к ней. Как верно пишет М.А. Маслиенко, концентрация информационных ресурсов для хранения в электронных системах еще более усугубляет проблемы противодействия киберпреступности, соответственно, цифровизация требует повышения оптимизации механизма борьбы с противоправными действиями в информационной сфере [1, с. 29].

Механизм государственной политики России по противодействию киберпреступности, полагаем, безусловно, строится на основе системы официальных документов, в которых определены основные положения обеспечения информационной безопасности. Так, в Доктрине информационной безопасности России¹, принятой, в 2016 г. и действующей в современный период без изменений и принятия новых редакций, содержатся указания:

- на национальные интересы в информационной среде (основной из них – обеспечение конституционных прав и свобод граждан, гарантирование частной неприкосновенности и т. д.);

- на информационные угрозы и состояние информационной безопасности (основной угрозой называется наращивание зарубежными странами давления на информационную инфраструктуру России);

- на стратегические цели и тактические задачи обеспечения информационной безопасности (включая задачи по пресечению, противодействию, профилактике противоправных действий в области информационных технологий, в том числе криминальных);

- на организационные условия обеспечения информационной безопасности (они строятся на законотворческих, правоприменительных, право-

¹ Об утверждении Доктрины информационной безопасности РФ : указ Президента РФ от 05.12.2016 № 646 // Собрание законодательства РФ. 2016. № 50, ст. 7074.

охранительных, контрольных и судебных основах организации различных форм деятельности уполномоченных органов власти, а также коммерческих, некоммерческих организаций, граждан в сфере противодействия противоправным действиям в информационной среде).

Однако перечня мероприятий, планируемых к реализации в рамках исследуемого механизма государственной политики противодействия киберпреступности, в Доктрине информационной безопасности России не содержится. При этом со стороны уполномоченных органов власти, в частности МВД России, в последнее время делаются заявления о необходимости внедрения в ближайшее время новейших методов борьбы с киберпреступностью и создания специального органа государственной власти – киберполиции¹.

По словам министра внутренних дел России В.А. Колокольцева, создание киберполиции еще только планируется, так как для этого нужно подготовить документационное сопровождение, переквалифицировать или существенно изменить квалификацию сотрудников, приобрести и освоить новую современную технику отслеживания преступных деяний в сети Интернет. Однако необходимо ускориться, поскольку в период распространения коронавирусной инфекции и принятия государством мер по минимизации рисков от ее распространения и одновременной цифровизации российской экономики значительно увеличилось число преступлений, совершаемых с использованием информационных ресурсов, за счет повышения криминальными субъектами уровня знаний из сети Интернет. Планируется, что в МВД России будут сформированы специальные управления по борьбе с киберпреступлениями, но без значительного расширения штатной численной министерства. Хотя при этом запланировано увеличение штатного состава Бюро специальных технических мероприятий МВД России, расширение его представительства во всех субъектах Российской Федерации и значительное расширение финансирования на противодействие киберпреступности².

Совершенствование существующего механизма реализации государственной политики в сфере противодействия киберпреступности, считаем, должно осуществляться путем:

– повышения общей правовой грамотности населения при получении информации, информационных услуг в сети Интернет и его взаимодействия

¹ Петров И. В структуре МВД создается киберполиция [Электронный ресурс] // Российская газета. 2020. 18 дек. URL: <https://rg.ru/2020/12/18/v-strukture-mvd-sozdaetsia-kiberpoliciia.html> (дата обращения: 17.09.2021).

² Дело в шифре: траты на информбезопасность в России увеличат в восемь раз [Электронный ресурс] // Известия. 2020. 2 окт. URL: <https://iz.ru/1068209/anna-ustinova/delo-v-shifre-traty-na-informbezopasnost-v-rossii-uvelichat-v-vosem-raz> (дата обращения: 18.09.2021).

с правоохранительными органами, даже при незначительном ущербе, по выявлению и раскрытию киберпреступлений;

- создания на постоянной основе специальных мониторинговых центров по пресечению кибератак;

- укрепления правовой базы, определяющей меры противодействия киберпреступности;

- внедрения в России международных стандартов противодействия киберпреступности (в том числе стандартов о присвоении индикатора компроментации киберпреступника);

- разработки и внедрения национальных стандартов защиты отраслей цифровой экономики;

- повышения уровня использования новейшего программного оборудования, специально создаваемого в современный период для пресечения кибератак;

- повышения квалификации сотрудников правоохранительных органов, осуществляющих противодействие киберпреступности, за счет повышения уровня их специальных знаний в области IT-технологий, получения зарубежного опыта выявления и расследования киберпреступлений;

- разработки актуальных методических рекомендаций по противодействию (выявлению, раскрытию, расследованию) киберпреступлениям, которые были бы подготовлены с учетом международных стандартов в этой области, складывающейся за рубежом и у нас в стране судебно-следственной практики, меняющейся криминогенной обстановки в сфере компьютерной информации и способов, механизмов совершения киберпреступлений;

- сплочения институтов гражданского общества, коммерческих организаций, ведущих специалистов в IT-сфере и правоохранительных органов в сотрудничестве по выявлению и раскрытию криминальных действий в данной сфере.

В то же время разработка понятийно-категориального аппарата о киберпреступности необходима в части определения ее понятия, отличий от смежных правовых категорий и выявления особенностей построения системы правового регулирования противодействия киберпреступности и, главное, если говорить в аспекте нашего исследования, ее теоретико-правовой идентификации как категории права, занимающей свое место в системе российского права.

Термин «киберпреступность», и в этом мы согласны с мнением В.Н. Цимбал и С.Г. Ключева, до настоящего времени не получил единообразного толкования как в международных документах, так и в российском законодательстве [2, с. 129], хотя в 2000 г. по итогам работы сессии X Конгресса ООН по предупреждению преступности и уголовному правосудию было

сформулировано его определение как любого преступного деяния в электронной среде, а в 2005 г. в рамках XI Конгресса ООН по предупреждению преступности и уголовному правосудию оно было сформулировано по-иному: все преступления с использованием компьютеров [3, с. 19].

Причиной того, что нормативного определения киберпреступности до сих пор нет в национальных системах законодательства, исследователи называют юрисдикционную дилемму, поскольку в разных странах и в их системах законодательства понятие киберпреступности определяется по-разному [3, с. 18]. К тому же нет точных данных о ежегодно совершаемых киберпреступлениях как новых видов преступлений, нет четкого законодательного определения, в том числе и в России, понятий «цифровая преступность» и «киберпреступность», нет полного и признаваемого единодушно всем научным сообществом научного обоснования этих понятий.

Отметим, что и в правовой науке по этому вопросу сложилась такая же ситуация. Причем подходы к определению понятия «киберпреступность» могут использоваться (впрочем, как и к другим правовым понятиям, например, юридической ответственности) разные: культурологический, социологический, лингвистический, идеологический, экономический, политический, криминалистический и др., как могут использоваться и разные подходы к отграничению понятия «киберпреступность» от схожих понятий (информационная преступность, преступность высоких технологий, компьютерная преступность, цифровая преступность и др.), классификации киберпреступности, пониманию причин и условий ее появления и распространения, решению правоприменительных проблем, возникающих при противодействии и предупреждении киберпреступлений, их выявлении, расследовании и раскрытии. К тому же нужно учитывать, что разнообразие преступлений в киберпространстве ежегодно только возрастает, на что было обращено особое внимание на XIV Конгрессе ООН по предупреждению преступности и уголовному правосудию, состоявшемся в 2000 г.¹ Соответственно, актуальным представляется сначала определение понятия киберпреступности, а затем установление ее видов, инструментов, инфраструктуры, современного состояния.

Для того чтобы определить понятие киберпреступности, учитывая, что его нет не только в правовой науке, необходимо выявить ее признаки, установить соотношение со смежными правовыми категориями и только затем определить ее место как категории права в системе российского права.

Так, Т.Л. Тропина определяет понятие киберпреступности через совокупность преступлений, которые совершаются в киберпространстве с приме-

¹ Руководство для дискуссий. XIV Конгресс ООН по предупреждению преступности и уголовному правосудию (Киото, 20–27 апреля 2000 г.) [Электронный ресурс]. URL: <https://docviewer.yandex.ru/view/327544614/?page=1&> (дата обращения: 14.08.2021).

нением компьютерных систем или сетей, разнообразных средств, обеспечивающих доступ в киберпространство, но против них самих, а также против компьютерных данных [4, с. 8]. Аналогичное определение она дала совместно с В.А. Номоконовым, акцентировав внимание на любых проявлениях преступной деятельности в киберпространстве посредством компьютерных систем или сетей, других средств, применяемых в этом пространстве и направленных против них самих же, а также против компьютерных данных [5, с. 45].

Один из руководителей «Лаборатории Касперского» и сотрудник Московского университета МВД России И.Г. Чекунов аргументирует свое мнение о понимании киберпреступлений (отметим, что в его исследовании понятие киберпреступности не употребляется) тем, что эти преступные деяния для понимания их таковыми обязательно должны совершаться в сети Интернет или с ее использованием, а мобильные средства связи, компьютеры при этом выступают орудиями или предметами их осуществления [6, с. 182].

По мнению Т.В. Пинкевич и Е.Н. Рахмановой, понятие «киберпреступность» уже понятия «цифровая преступность» по содержанию. Ученые трактуют цифровую преступность как противоправное и одновременно социальное явление, которое включает в себя целую совокупность преступлений в сфере цифровых технологий или с использованием (незаконным завладением, незаконным предложением, незаконным распространением информации в виртуальной среде, информационно-телекоммуникационных сетях) таких технологий [7, с. 193].

Схожими по содержанию с понятием «киберпреступность» можно назвать не только понятие «цифровая преступность», но и понятия «информационная преступность», «преступность высоких технологий», «компьютерная преступность». Определим их, чтобы понять, как соотносятся они по объему своего содержания, можно ли их считать синонимами.

Помимо указанных понятий в правовой науке используются и иные понятия в исследуемой сфере. Например, Н.В. Летёлкин использует понятие «преступления, совершаемые с использованием информационно-телекоммуникационных сетей» и включает в его смысл все преступные деяния, совершаемые в области охраны правомерного пользования информационно-телекоммуникационными сетями при использовании технологических систем [8, с. 8].

Согласимся с мнением Т.В. Пинкевич о том, что после VIII Конгресса ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями 1990 г., а также по результатам исследований Стэнфордского исследовательского института, который впервые в своем докладе использовал термин «компьютерная преступность», а позже по результатам проводимых исследований сущности компьютеров как субъектов, объектов, инструментов пре-

ступлений появилось узкое и широкое понимание киберпреступности. Узкое заключается в том, что всякое незаконное поведение, посягающее на безопасность компьютерных систем и данных, в форме электронных операций можно считать киберпреступностью. Широкое понимание основано на отношении к киберпреступности любого противозаконного поведения, которое осуществлено с использованием или посредством компьютерных систем, в том числе незаконное распространение информации через сеть Интернет или с использованием компьютерной системы [3, с. 19].

Не только в специальной литературе, но и в международных документах можно найти определения киберпреступности и на их основе определить место этой категории в системе российского законодательства.

С 1992 г., когда впервые Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) издала Директиву по вопросам безопасности информационных систем¹, для обозначения преступности в информационной среде использовались разные термины, а затем в международных актах активно стал употребляться именно термин «киберпреступность», следуя выводам анализа Директив ОЭСР², Резолюций ООН (например, Резолюции ООН A/RES/53/70³). Хотя еще недавно, как обращалось внимание в вопроснике Всестороннего исследования проблем киберпреступности⁴ 2013 г., проведенного ООН, данное понятие употреблялось менее чем в 5 % принятых на тот момент 200 актов законодательства о преступности в информационной среде. Во Всестороннем исследовании отмечается, что можно дать много определений киберпреступлений, их содержание будет зависеть от целей употребления этого понятия. Однако в его основу может быть положен такой круг преступлений, совершение которых направлено против конфиденциальности, доступности, целостности компьютерных систем, программ, данных.

X Конгресс ООН по предупреждению преступности рекомендовал понимать под киберпреступностью любое преступление, которое совершается при помощи, в рамках или против компьютерной сети или системы и в

¹ Обзор Директивы ОЭСР по проблеме безопасности информационных систем и сетей: формирование культуры и обеспечение безопасности (2003) [Электронный ресурс]. URL: <https://docviewer.yandex.ru/view/327544614> (дата обращения: 14.08.2021).

² Директивы ОЭСР [Электронный ресурс]. URL: <https://www.oecd.org/sti/ieconomy/15582276.pdf> (дата обращения: 18.09.2021).

³ Резолюция ООН A/RES/53/70 «Достижения в сфере информатизации и телекоммуникаций в контексте международной безопасности» от 04.01.1999 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ifar.ru/ofdocs/un/5753.pdf> (дата обращения: 17.09.2021).

⁴ Всестороннее исследование проблем преступности (Проект УНП ООН, Нью-Йорк, Вена, февраль 2013 г.) [Электронный ресурс]. URL: <https://docviewer.yandex.ru/view/327544614> (дата обращения: 14.08.2021).

принципе каждое преступление, совершаемое в электронной среде (то есть использующей все каналы связи по передаче данных посредством телекоммуникаций или компьютеров)¹. Тогда же было сформулировано узкое определение киберпреступности как противозаконного поведения, посягающего на безопасность компьютерных систем, их баз данных в форме электронных операций.

Широкое определение киберпреступности было сформулировано по итогам XI Конгресса ООН, проведенного в 2005 г.² Оно заключалось в том, что киберпреступлением следует считать преступление, совершенное с использованием компьютера, независимо от того, направлено ли оно на компьютерную сферу и технологии, или применение цифровых технологий, или использование компьютера в целом как инструмента, орудия преступления.

Стоит отметить, что Конвенция Совета Европы о преступности в сфере компьютерной информации 2001 г.³, которая в 2004 г. ратифицирована и Российской Федерацией, только единожды употребляет понятие «киберпреступность», но не раскрывает его. Полагаем, что здесь уместно привести мнение ученых:

во-первых, в действующем российском законодательстве не содержится нормативного определения понятий, связанных с преступлениями в сфере компьютерных технологий, и, как следствие, понятия «киберпреступность»;

во-вторых, составы преступлений в сфере компьютерной информации, которые закреплены в уголовном законодательстве России, не во всем соответствуют международным актам, принятым для унификации правовых механизмов по противодействию киберпреступности, в том числе Конвенции № 185;

в-третьих, российское уголовное законодательство современного периода не имеет достаточную правовую основу для реализации ответственности за совершение преступлений с использованием компьютерных технологий [9, с. 10].

¹ Aconf.187/10. Справочный документ для семинара-практикума по преступлениям, связанным с использованием компьютерной сети [Электронный ресурс]. URL: https://mgimo.ru/upload/iblock/11d/11d26239824de2cccfb2_68b6ba2caa20.pdf (дата обращения: 18.09.2021).

² Предварительные итоги Одиннадцатого Конгресса ООН по предупреждению преступности и уголовному правосудию (Бангкок, 18–25 апреля 2005 г.) [Электронный ресурс]. URL: http://www.crime-research.ru/analytics/crime_bangkok (дата обращения: 14.08.2021).

³ Конвенция о преступности в сфере компьютерной информации (ЕСТ № 185) (прин. в г. Будапеште 23.11.2001, с изм. от 28.01.2003) [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base 13526#jAY95gSyWVhIGOJ12> (дата обращения: 14.08.2021).

На XIV Конгрессе ООН по предупреждению преступности и уголовному правосудию, проходившем с 7 по 12 марта 2021 г. в Киото, министр внутренних дел России В.А. Колокольцев использовал термин «информационная преступность», пояснив позицию России о том, что наша страна усматривает решение проблем с преступлениями в компьютерной сфере в разработке под эгидой ООН универсальной конвенции о противодействии информационной преступности¹. Отсюда становится понятным, что понятия «киберпреступность», «цифровая преступность», «компьютерная преступность» близки по смыслу. Также следует различать понятия «киберпреступность» и «киберпреступление». Несмотря на схожесть в словообразовании, это разные понятия. Первое по содержанию шире второго. И здесь, конечно, важно понимать, опираясь на норму ст. УК РФ, что киберпреступление есть общественно опасное виновное деяние, запрещенное УК РФ под угрозой наказания, которое совершается в информационном или киберпространстве. Данное преступление сложное по объектному составу. При его совершении субъект (или субъекты), согласимся с позицией И.В. Романова, посягает как на общественную безопасность, так и на собственность, права человека, иные охраняемые законом интересы и отношения [10, с. 107–108]. Не зря законодатель выделил в отдельную главу преступления в сфере компьютерной информации (гл. 28 УК РФ).

Совершенно очевидно, что понятие «киберпреступность» имеет более широкую сферу применения, им охватываются не только преступления, указанные в гл. 28 УК РФ, но и другие преступления, которые также можно совершить с использованием информационных технологий.

В Доктрине информационной безопасности понятие «киберпреступность» не употребляется. В ней используется понятие «угроза информационной безопасности», раскрываемое как действия и факторы в своей совокупности, которые несут опасность ущерба для интересов российского государства в информационной сфере.

Учитывая изложенное, постараемся резюмировать основные и важные положения о киберпреступности.

Однозначного понимания понятия киберпреступления на национальном и международном уровнях, в российском и международном законодательстве не сложилось, хотя оно в нем и содержится. Со своей стороны считая, что киберпреступность – криминальное и одновременное негативное социальное правовое явление, появление которого связано с информационными технологиями, а точнее, с их широким распространением в бытовой,

¹ Владимир Колокольцев выступил на XIV Конгрессе ООН по предупреждению преступности и уголовному правосудию [Электронный ресурс]. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/news/item/23344408> (дата обращения: 13.09.2021).

предпринимательской, государственной и иных областях, сферах деятельности, с повышением их доступности, универсальности, использованием во всем мире.

Само понятие «киберпреступность» имеет широкую сферу применения, включает в себя всю совокупность преступных деяний, совершаемых с использованием информационно-коммуникационных технологий, является по сравнению с другими понятиями, обозначающими преступления в сфере информационно-телекоммуникационных сетей, наиболее оптимальным, отвечающим современным реалиям, а его базисной основой выступает киберпространство как сфера деятельности в информационном пространстве. Вместе с совершенствованием информационных технологий совершенствуются способы и орудия преступления, что обуславливает появление новых видов преступлений, требующих новых теоретических рекомендаций по их расследованию и раскрытию. В связи с этим необходимо выработать единый подход в доктрине права к содержательному аспекту термина «киберпреступность», дать его законодательное определение, проработать нормы уголовного права, закрепляющие составы преступлений, совершаемых в киберпространстве.

Юридическими признаками киберпреступности, определяющими ее сложную правовую природу и возможность ее теоретико-правовой идентификации как самостоятельной правовой категории в системе российского права и системе российского законодательства, можно назвать:

- прямую связь с информационной средой и нарушениями законодательства об информации;
- высокий уровень латентности;
- отсутствие географических границ, в которых совершаются киберпреступления, и, как следствие, их трансграничный характер;
- сложность расследования;
- крайне ограниченную оперативность в возможности пресечения совершения киберпреступлений;
- эффективное противодействие киберпреступности реально только при условии межнационального заинтересованного взаимодействия субъектов правоохранительных органов власти, государственного и частного секторов экономики, иных субъектов.

Список использованной литературы

1. Маслиенко М.А. Киберпреступность на современном этапе // Проблемы правоохранительной деятельности. 2021. № 2. С. 28–32.

2. Цимбал В.Н., Ключев С. Г. Понятие киберпреступления и его содержательная часть // Вестник Московск. ун-та МВД России. 2021. № 1. С. 129–132.
3. Ищук Я.Г., Пинкевич Т.В., Смольянинов Е.С. Цифровая криминология : учеб. пособие. М. : Акад. упр. МВД России, 2021. 244 с.
4. Тропина Т.Л. Киберпреступность: понятие, состояние, уголовно-правовые меры борьбы : дис. ... канд. юрид. наук. Владивосток, 2005. 235 с.
5. Номоконов В.А., Тропина Т.Л. Киберпреступность как новая криминальная угроза // Криминология вчера, сегодня, завтра. 2012. № 1 (24). С. 45–55.
6. Чекунов И.Г. Киберпреступность: понятие, классификация, современные вызовы и угрозы // Молодые ученые. 2012. № 3. С. 178–186.
7. Пинкевич Т.В., Рахманова Е.Н. Понятие цифровой преступности // Современные тенденции управления и цифровая экономика: от регионального развития к глобальному экономическому росту : матер. 2-й Междунар. науч.-практ. конф. М., 2020. С. 193.
8. Летёлкин Н.В. Уголовно-правовое противодействие преступлениям, совершаемым с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть Интернет : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2018. 24 с.
9. Деятельность органов внутренних дел по борьбе с преступлениями, совершенными с использованием информационных, коммуникационных и высоких технологий : учеб. пособие : в 2 ч. / А.В. Аносов [и др.]. М. : Акад. упр. МВД России, 2019. Ч. 1. 208 с.
10. Романов И.В. Понятие киберпреступлений и его значение для расследования // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2016. № 5 (13). С. 105–109.

References

1. Maslienko M.A. Cybercrime at the present stage. *Problemy pravoohranytel'noj deyatel'nosti = Problems of law enforcement activity*, 2021, no. 2, pp. 28–32. (In Russian).
2. Tsimbal V.N., Klyuev S.G. Concept of cyber crime and its content. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii = Vestnik of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2021, no. 1, pp. 129–132. (In Russian).
3. Ishchuk YA.G., Pinkevich T.V., Smol'yaninov E.S. *Cifrovaya kriminologiya* [Digital Criminology]. Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2021. 244 p.
4. Tropina T.L. *Kiberprestupnost': ponyatie, sostoyanie, ugovovno-pravovye меры bor'by Kand. Diss.* [Cybercrime: Concept, Conditions, Criminal Law Responses. Cand. Diss.]. Vladivostok, 2005. 235 p.

5. Nomokonov V.A., Tropina T.L. Cybercrime as a new criminal threat. *Kriminologiya vchera, segodnya, zavtra = Criminology: yesterday, today, tomorrow*, 2012, no. 1 (24), pp. 45–55. (In Russian).

6. Chekunov I.G. Cybercrime: Concept, Classification, Modern Challenges and Threats. *Young Scientists = Molodye uchenye*, 2012, no. 3, pp. 178–186. (In Russian).

7. Pinkevich T.V., Rakhmanova E.N. Digital Crime Concept. *Sovremennye tendencii upravleniya i cifrovaya ekonomika: ot regional'nogo razvitiya k global'nomu ekonomicheskomu rostu. Materialy 2-j Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii* [Modern Management Trends and the Digital Economy: from Regional Development to Global Economic Growth. Materials of the 2nd International Scientific and Practical Conference]. Moscow, 2020, p. 193. (In Russian).

8. Letyolkin N.V. *Ugolovno-pravovoe protivodejstvie prestupleniyam, sovershaemym s ispol'zovaniem informacionno-telekommunikacionnyh setej, vlyuchaya set' Internet. Avtoref. Kand. Diss.* [Criminal Law responses to Crimes Committed through the Use of Information and Telecommunications Networks, including the Internet. Cand. Diss. Thesis]. Nizhny Novgorod, 2018. 24 p.

9. Gavrillin YU.V., Anosov A.V., Baranov V.V., Vasilchenko D.A., Golyandin N.P., Grinchenko V.S., Desyatov M.S., Kuzmin N.A., Lapunova YU.A., Lyuban V.G., Malakhov A.S., Parfenov A.V., Prokhorov E.S., Ryasov A.V., Smolyaninov E.S., Tretyakov M.A., Filippov A.N. *Deyatel'nost' organov vnutrennih del po bor'be s prestupleniyami, sovershennymi s ispol'zovaniem informacionnyh, kommunikacionnyh i vysokih tekhnologij* [The Activities of the Internal Affairs Bodies to Combat Crimes Committed Using Information, Communication and High Technologies]. Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2019, pt. 1. 208 p.

10. Romanov I.V. The concept of cybercrime and its implications for the investigation. *Sibirskie ugolovno-processual'nye i kriminalisticheskie chteniya = Siberian criminal process and criminalistic readings*, 2016, no. 5 (13), pp. 105–109. (In Russian).

Информация об авторе

Сандальникова Елена Владимировна – кандидат юридических наук, доцент кафедры таможенного дела и правового обеспечения Ульяновского государственного университета, г. Ульяновск;
sandalnikova.elena@yandex.ru

Information about the Author

Sandalnikova Elena Vladimirovna – Candidate of Sciences (Law), Assistant Professor of the Chair of Customs and Legal Support, Ulyanovsk State University, Ulyanovsk;
sandalnikova.elena@yandex.ru

Для цитирования

Сандальникова Е.В. Теоретико-правовая идентификация киберпреступности в системе российского права и системе российского законодательства // Вестник Института права Башкирского государственного университета. 2021. № 3. С. 58–71. DOI 10.33184/vest-law-bsu-2021.11.8.

For citation

Sandalnikova E.V. Legal and Theoretical Identification of Cybercrime in the Russian Law System and in the Russian Legislation System. *Vestnik Instituta prava Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta* = *Bulletin of the Institute of Law of the Bashkir State University*, 2021, no. 2, pp. 58–71. DOI 10.33184/vest-law-bsu-2021.11.8. (In Russian).

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО**INTERNATIONAL LAW**

УДК 341

DOI 10.33184/vest-law-bsu-2021.11.9

А. Б. Гайнетдинова, Т. К. Демидова, Е. О. Тулупова

ИСТОРИЯ МИГРАЦИИ МУСУЛЬМАН В ЕВРОПУ

Дата поступления 29 сентября 2021 г.

В настоящее время вопрос о миграции в страны Европейского союза стоит очень остро, несмотря на попытки руководства этих стран стабилизировать ситуацию. С одной стороны, власти Евросоюза не могут справиться с огромным людским потоком, с другой – нарастает недовольство местного населения исламизацией Европы. Многие отмечают, что прибывшие на территорию европейских государств переселенцы не спешат изучать язык коренных жителей, не принимают их культуру, правила поведения в европейском обществе, а подчас диктуют свои условия, что, несомненно, будоражит европейское общество.

Ключевые слова и фразы: миграционный кризис; интеграция; принимаемое государство; иммигранты; этническое меньшинство.

А. В. Gainetdinova, Т. К. Demidova, Е. О. Tulupova

THE HISTORY OF MUSLIM MIGRATION TO EUROPE

At present, the issue of migration to the European Union is very acute, despite many attempts of the under question countries' leaders to stabilize the situation. On the one hand, European Union authorities are unable to cope with a massive human flow, and on the other hand, local population' discontent with Europe's Islamization is mounting. It is obvious that the migrants who have arrived in European countries are reluctant to learn the native language, do not accept the culture, do not accept the rules of conduct in European society, and sometimes dictate their own conditions. It undoubtedly disturbs European society.

Keywords and phrases: migration crisis; integration; taken by the State; immigrants; ethnic minority.

В последние годы проблема мусульманских меньшинств занимает центральное место в европейской повестке дня. За десятилетия после Второй мировой войны миллионы мусульман легально и нелегально мигрировали в Европу из Азии, Ближнего Востока и Северной Африки. Эта массовая миграция привела к новой реальности, в которой два совершенно разных мира вынуждены жить вместе. Мусульманское присутствие в Европе привело к социокультурным изменениям и трансформации городов: появились мечети, чайханы, женщины в хиджабах и др. В европейских обществах ислам считается другим, слишком «видимым» и вызывает споры и напряженность вокруг исторических, культурных, религиозных, политических и социальных вопросов.

Некоторые европейцы считают мусульманскую иммиграцию палкой в колесе интеграции и угрозой европейской культуре и уникальности. Они даже утверждают, что мусульмане приезжают в Европу, чтобы исламизировать ее. Другие полагают, что концентрация мусульманских общин является результатом их стремления к самосегрегации и сохранению своей этнической и религиозной самобытности. То есть мусульманские иммигранты обособляются в «мини-государствах» или «параллельных обществах», в которых складываются такие же устои, что и в странах их происхождения. Многие считают, что массовое переселение на европейский континент мигрантов увеличивает напряженность между членами Евросоюза, угрожает социально-экономическому развитию тех стран, куда преимущественно попадают беженцы, и их коренному населению.

История насчитывает несколько волн миграции в европейские страны. Одна из самых массовых была в конце Второй мировой войны, когда Европа была разрушена, истощена и испытывала нехватку рабочей силы для восстановления экономики. Чтобы справиться с потребностями рынка, европейские страны решили держать свои ворота открытыми для дешевой и неквалифицированной рабочей силы до тех пор, пока местная экономика не придет в равновесие. Тогда это были в основном рабочие из бывших колоний европейских государств.

Европейская потребность в иностранных рабочих коренится в определенных экономических факторах. Во-первых, ожидаемая продолжительность жизни в Европе увеличилась, а рождаемость снизилась, то есть работающего населения становится все меньше. Во-вторых, европейцы предпочитают рабочие места, предназначенные для тех, кто имеет высшее образование, поэтому возникает нехватка ручной и низкоквалифицированной ра-

бочей силы. В-третьих, европейцы хотят работать меньше часов в день и меньше дней в неделю, уходить на более длительные каникулы и выходить на пенсию раньше.

Иммиграция может способствовать экономическому развитию и росту рынка. Когда производительные силы, потребители, новые идеи и знания перемещаются из одной страны в другую, это ведет к экономическому развитию, росту спроса на товары и услуги, расширению рынка труда, предпринимательству и улучшению качества жизни. Кроме того, иммигранты производят значительную часть продукции, а налоги, вычитаемые из их заработной платы, идут на выплату пенсий стареющему населению континента. Тем не менее иммиграция также может стать экономическим бременем, способствующим росту безработицы, нагрузке на общественную инфраструктуру, социальные службы и т. д.

В дополнение к экономическим мотивам приема иммигрантов в Европу есть также чувство вины и стыда за прошлые несправедливости, причиненные фашизмом, нацизмом и колониализмом, за эксплуатацию, пытки и притеснение народов, живших под властью европейских империй. Это тоже побудило европейцев открыть ворота континента для иммигрантов и принять их присутствие. Толерантность, отсутствие которой поставило Европу на колени во время Второй мировой войны, стала высшей ценностью в послевоенной Европе.

Все это, а также тот факт, что некоторые жители колоний уже были гражданами европейских стран, в которые они иммигрировали, или имели предварительное знакомство с языками принимающих стран, способствовало их миграции на континент. Например, в Нидерландах 90 % иммигрантов были гражданами этой страны еще до переселения в нее [1, с. 243].

В начале международной иммиграции в Европу прибыли (предположительно, на временной основе) в основном иностранные рабочие, большинство из которых были одинокими людьми с Ближнего Востока, из Северной Африки и Азии, чтобы восполнить дефицит рабочей силы. Решение о том, где обосноваться, обычно принималось на национальной и на лингвистической основе в соответствии с колониальной историей: индейцы, пакистанцы и бангладешцы селились в основном в Великобритании, алжирцы и тунисцы – во Франции и Швейцарии, марокканцы – в Италии и Франции, индонезийцы – в Нидерландах. В Германию, чье колониальное прошлое не было столь значительным, в соответствии с соглашениями между правительствами двух стран для содействия послевоенному восстановлению прибыли турки.

Решение о приглашении иностранных рабочих было принято европейскими экономическими и политическими элитами. И иностранные рабочие, и

европейцы полагали, что это временно. Иностранные рабочие видели своего будущего в Европе, поэтому не пытались интегрироваться, изучить язык или обычаи принимающей страны; вместо этого они продолжали жить так же, как и в странах своего происхождения, импортируя из них продукты и т. д. Таким образом, долгое время они оставались не более чем иностранными гостями, временными жителями, не проникая в государственные сферы.

И все же иностранные рабочие сталкивались с негативными стереотипами, расизмом и дискриминацией. Чувство неприятия побудило их стать почти невидимыми и искать себе среду и элементы, знакомые им по странам происхождения. С одной стороны, этим молодым людям из бывших колоний Европы не дали равных возможностей для интеграции в общество, им не хватало инструментов для освоения языка и изучения европейского образа жизни. С другой стороны, они и не пытались интегрироваться; языковые трудности, культурный шок и чувство непричастности подталкивали их к общению с такими же людьми, как они, с другими иммигрантами из стран своего происхождения или исповедующими ту же религию.

За прошедшие годы европейские мусульманские общины стали видимыми в первую очередь благодаря значительному увеличению их числа. Этот рост произошел в результате двух основных процессов: воссоединения семей, в результате которого на континент переселились жены, дети, а иногда и родители, братья и сестры мигрантов, и естественного прироста – высокого уровня рождаемости среди мусульманских иммигрантов [2, с. 137].

В начале 1970-х годов многие европейские страны объявили о воссоединении семей. Семьям иностранных работников было разрешено присоединиться к мужчинам, иммигрировавшим в Европу, во имя права работника на семейную жизнь. Это повлекло предоставление иммиграционных прав членам семьи иммигрантов. Результатом стало появление стабильных мусульманских общин, состоящих не только из одиноких мужчин, но и из целых семей. Дети посещали школу, жены часто посещали магазины и рынки. Чем более росло население, тем более увеличивался спрос на товары из стран происхождения иммигрантов. Для удовлетворения их потребностей открывались магазины по продаже халяльных продуктов, чайханы и кафе.

Несмотря на то что в 1970-х годах европейская экономика достигла точки насыщения и многие страны начали закрывать свои двери для иностранных рабочих, поток иммиграции не прекращался. Одной из причин была довольно слабая политика в отношении беженцев и лиц, ищущих убежища, которую приняли некоторые европейские страны. Они предоставляли социальные пособия, виды на жительство и даже гражданство для вновь прибывших. Однако основной причиной значительного роста мусульманского населения в Европе, несомненно, является высокий уровень рождаемо-

сти. Темпы прироста населения среди мусульманских общин в целом выше по сравнению с коренным европейским населением.

Европейцы начали говорить о наступлении ислама на Европу. Так, по имеющимся оценкам, более 80 % беженцев являются мусульманами, что значительно усиливает влияние местных исламских диаспор.

Многие отмечают, что прибывшие на территорию европейских государств переселенцы не спешат изучать язык коренных жителей, не принимают их культуру, правила поведения в европейском обществе, а подчас диктуют свои условия, что, несомненно, будоражит европейское общество, вызывает недовольство со стороны коренного населения. Участились протесты, люди выходят на митинги и демонстрации, пытаясь донести свою позицию властям. Однако власти Евросоюза до сих пор не могут взять ситуацию под жесткий контроль, принимаемые законы, программы в отношении мигрантов на сегодняшний день не ведут к стабилизации в европейском обществе.

Список использованной литературы

1. Суздалева Т.Р. Миграционные процессы в контексте геополитики // Вестник Томск. гос. ун-та. Философия. Социология. Политология. 2016. № 3 (35). С. 237–244.
2. Хенкин С.М., Кудряшова И.В. Интеграция мусульман в Европе: политический аспект // Полис. Политические исследования. 2015. № 2. С. 137–155.

References

1. Suzdaleva T.R. Migratory Processes in the Context of Geopolitics. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sociologiya. Politologiya = Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*, 2016, no. 3 (35), pp. 237–244. (In Russian).
2. Khenkin S.M., Kudryashova I.V. The Integration of Europe's Muslims in its Political Aspects. *Polis. Politicheskie issledovaniya = Polis. Political Studies*, 2015, no. 2, pp. 137–155. (In Russian).

Информация об авторах

Гайнетдинова Александра Борисовна – выпускница
Института права Башкирского
государственного университета,
г. Уфа; gainet98@gmail.com;

Information about the Authors

Gainetdinova Alexandra Borisovna –
graduate student of the Institute
of Law, Bashkir State University, Ufa;
gainet98@gmail.com;

Демидова Татьяна Константиновна – кандидат политических наук, доцент кафедры международного права и международных отношений Института права Башкирского государственного университета, г. Уфа; dtatyana12@yandex.ru;

Demidova Tatyana Konstantinovna – Candidate of Sciences (Politics), Assistant Professor of the Chair of International Law and International Relations, Bashkir State University, Ufa; dtatyana12@yandex.ru;

Тулупова Елена Олеговна – кандидат юридических наук, доцент кафедры теории государства и права Института права Башкирского государственного университета, г. Уфа; lena118@yandex.ru

Tulupova Elena Olegovna – Candidate of Sciences (Law), Assistant Professor of the Chair of Theory of State and Law, Bashkir State University, Ufa; lena118@yandex.ru

Для цитирования

Гайнетдинова А.Б., Демидова Т.К., Тулупова Е.О. История миграции мусульман в Европу // Вестник Института права Башкирского государственного университета. 2021. № 3. С. 72–77. DOI 10.33184/vest-law-bsu-2021.11.9.

For citation

Gainetdinova A.B., Demidova T.K., Tulupova E.O. The History of Muslim Migration to Europe. *Vestnik Instituta prava Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta* = *Bulletin of the Institute of Law of the Bashkir State University*, 2021, no. 3, pp. 72–77. DOI 10.33184/vest-law-bsu-2021.11.9. (In Russian).

УДК 341

DOI 10.33184/vest-law-bsu-2021.11.10

Ш. В. Тлепина

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ФАРМАЦЕВТИЧЕСКИХ РАБОТНИКОВ¹

Дата поступления 23 сентября 2021 г.

В статье рассмотрены современные тенденции развития правового регулирования труда фармацевтических работников. Большое значение в деятельности фармацевтов и их профессиональной подготовке (на примере университетов стран ОЭСР) отводится практике Международной фармацевтической федерации, в том числе в рамках непрерывного профессионального развития. Сделан вывод о том, что международно-правовые руководящие принципы и стандарты качества фармацевтических услуг оказывают прямое влияние на различные стороны правового регулирования труда фармацевтов.

Ключевые слова и фразы: Международная фармацевтическая федерация; кодекс этики фармацевтов; Кодекс чести медицинских и фармацевтических работников Республики Казахстан; фармацевтические работники; фармацевты; этика фармацевтов; правовое обеспечение стандартов качества фармацевтических услуг.

SH. V. Tlepina

CURRENT TRENDS IN THE LEGAL REGULATION OF THE PHARMACEUTICAL WORKERS ACTIVITIES

The article considers modern trends in the development of the legal regulation of the pharmaceutical workers job. The practice of the International Pharmaceutical Federation, including in the context of continuing professional development, is of great importance in the activities and training of pharmacists (as in the case of OECD universities). International legal guidelines and quality standards for pharmaceutical services have been found to have a direct impact on various aspects of pharmaceutical law.

© Тлепина Ш.В., 2021

¹ Настоящее исследование профинансировано Комитетом науки Министерства образования и науки Республики Казахстан (грант № AP08857075). Первая статья опубликована в предыдущем номере журнала.

Keywords and phrases: International Pharmaceutical Federation; Code of ethics for pharmacists; Code of honor for medical and pharmaceutical workers of the Republic of Kazakhstan; pharmaceutical workers; pharmacists; pharmacists' ethics; legal regulation of quality standards of pharmaceutical services.

Несмотря на большой объем международных аналитических исследований нормативно-правовой базы в сфере медицинского права, лишь немногие публикации содержат информацию о фармацевтической деятельности в странах ОЭСР. Фармацевт – это медицинский работник с университетским образованием, которому отводится важная роль в системе здравоохранения. Международная организация труда изложила комплекс норм для фармацевтов в своей Международной стандартной классификации занятий¹.

Советом фармацевтической практики Международной фармацевтической федерации (далее – МФФ) принято следующее определение: фармацевт – это медицинский работник, получивший научную подготовку в высшем учебном заведении, компетентный во всех аспектах снабжения и использования лекарственных средств. Фармацевты обеспечивают доступ к безопасным, экономически эффективным и качественным препаратам, а также их ответственное использование отдельными пациентами и системами здравоохранения. Фармацевты – это медработники со специальным образованием и подготовкой, на которых государственными органами или иными соответствующими (например, региональными, местными) органами власти возложена задача по управлению распределением лекарственных средств потребителям и реализации надлежащих мер по обеспечению их безопасного и эффективного использования. Отмечается растущее признание того, что предоставление лекарственных средств потребителям само по себе недостаточно для достижения целей лечения. Для удовлетворения этих потребностей в плане медикаментозной терапии фармацевты принимают на себя большую ответственность за результаты приема лекарств и развивают свою практику, чтобы оказывать пациентам более широкий спектр услуг.

Большое значение деятельности фармацевтов, возрастающее влияние на систему здравоохранения в целом, востребованность унификации и гармонизации профессиональной теоретической подготовки и практической деятельности детерминировали процессы объединения фармацевтов. В этой связи большое значение отводится деятельности МФФ.

МФФ, основанная в 1912 г., является неправительственной организацией. Ее штаб-квартира находится в Гааге. На сегодняшний день данная ор-

¹ Нормативно-правовое регулирование деятельности внебольничных аптек в Европейском регионе ВОЗ [Электронный ресурс] // ВОЗ. Европейское региональное бюро. URL: <http://www.euro.who.int/pubrequest> (дата обращения: 18.09.2021).

ганизация объединяет более 4 млн фармацевтов по всему миру через национальные организации, академические институты и др. До создания фармацевтической организации на международном уровне начиная с 1865 г. проводились конгрессы, в которых принимали участие фармацевтические общества преимущественно европейских стран¹.

В рамках проведения Десятого конгресса в 1910 г. Голландским фармацевтическим сообществом было предложено создать МФФ. Данная организация была утверждена в Амстердаме спустя два года – 25 сентября 1912 г. Фармацевтические общества из 20 стран стали государствами-основателями, в их число вошли страны ОЭСР: Австрия, Бельгия, Дания, Финляндия, Франция, Германия, Венгрия, Нидерланды, Польша, Румыния, Россия, Швеция, Швейцария. Главной задачей на момент создания МФФ было развитие фармацевтической практики и фармацевтических наук на международном уровне с помощью нескольких средств, включая обмен информацией по различным темам (например, фармацевтическая практика, нормативно-правовая база и образование и др.) и разработка общих позиций и стандартов в отношении фармацевтической практики, фармацевтических наук в целом. В настоящее время задачи этой международной организации расширились. Они направлены на поддержку развития фармацевтической профессии с помощью практики и развивающихся научных инноваций, а также за счет развития трудовых ресурсов для удовлетворения потребностей и ожиданий здравоохранительного сектора во всем мире.

МФФ была признана неправительственной организацией в официальных отношениях со Всемирной организацией здравоохранения, созданной в 1948 г.²

Во время проведения заседания Совета МФФ в 1993 г. были приняты международные руководящие принципы фармацевтической практики в соответствии с Токийской декларацией о стандартах качества фармацевтических услуг (1993), где сказано: «стандарты являются важной частью измерения качества обслуживания населения/потребителей. МФФ, приняв международные руководящие принципы надлежащей фармацевтической практики на своем заседании Совета в Токио 5 сентября 1993 г., считает, что стан-

¹ Введение в Международную фармацевтическую федерацию и ее история [Электронный ресурс]. URL: https://www.fip.org/files/fip/History_of_FIP.pdf (дата обращения: 18.09.2021).

² Всемирная организация здравоохранения. Программа действий по основным лекарственным средствам и вакцинам (1996). Надлежащая фармацевтическая практика (GPP) в обществе и больницах [Электронный ресурс]. URL: https://apps.who.int/iris/bitstream/handle/10665/63097/WHO_PHARM_DAP_96.1.pdf?sequence=1&isAllowed=y (дата обращения: 18.09.2021).

дарты, основанные на этих руководящих принципах, должны использоваться национальными фармацевтическими организациями, правительствами и международными фармацевтическими организациями ... данное руководство рекомендуют применять в национальных стандартах, которые направлены на укрепление здоровья, поставки лекарств, медицинских устройств, самообслуживания пациентов и улучшения назначения и использования лекарств фармацевтами...»¹. Сами международные руководящие принципы надлежащей фармацевтической практики определяют, что существует потребность в создании стандартов на национальном уровне. Это необходимо для «...возможностей ... конфиденциального разговора, который не может быть услышан другими; предоставления общих рекомендаций по вопросам здоровья; вовлечения персонала в брифинги по конкретным кампаниям для обеспечения координации усилий и последовательности рекомендаций; обеспечения качества используемого оборудования и рекомендаций, предоставляемых при диагностическом тестировании».

Можно сделать вывод о том, что международные руководящие принципы направлены не только на осуществление фармацевтической деятельности с точки зрения экономики, но и на обеспечение стандартов, которые были бы направлены на создание благоприятных условий для фармацевтических работников. Подобная забота необходима для предупреждения неоднозначных ситуаций при осуществлении фармацевтами профессиональной деятельности.

Начиная с 1960 г. МФФ разрабатываются и принимаются кодексы этики для фармацевтов². Этот ответ МФФ на вызовы эпохи обусловлен этическими проблемами современной медицины. Отметим, что этика всегда рассматривалась как неотъемлемая составная часть всей врачебной культуры.

В 2012 г. Исполнительным комитетом Совета фармацевтической деятельности МФФ была создана Рабочая группа по этике фармацевтов и профессиональной автономии. Целью ее стала подготовка отчета по ключевым вопросам, связанным с этикой, автономией и профессионализмом, с которыми фармацевты сталкиваются в современных условиях по всему миру. Согласно данному отчету были выделены следующие современные проблемы этики фармацевтов.

1. Этические проблемы, возникающие из природы человека (например, отсутствие чувства профессиональной ответственности; недостаток

¹ Кодекс этики для фармацевтов [Электронный ресурс]. URL: <https://www.fip.org/file/1586> (дата обращения: 18.09.2021).

² Этика фармацевтов и профессиональная автономия: императивы обеспечения соответствия фармацевтики с общественными интересами [Электронный ресурс]. URL: <https://www.fip.org/file/1368> (дата обращения: 18.09.2021).

компетентности; личные ценности, противоречащие профессиональным ценностям, в том числе конфликты, которые приводят к отказу в предоставлении услуги; незнание принципов этики в фармации; отсутствие заботы о применении этических принципов на практике; культурные, религиозные или национальные интересы, противоречащие профессиональной этике; личные качества и черты характера: отсутствие морального мужества).

2. Этические проблемы, возникающие по экономическим причинам, либо из-за ограничения затрат, либо из-за увеличения доходов (например, управление ресурсами – распределение ограниченных ресурсов; прибыльность и жизнеспособность бизнеса (жадность против разумной прибыли); реклама, пропагандирующая ненадлежащее потребление; товары, выбранные для продажи в аптеке (например, табак, лекарства, эффективность или качество которых не доказаны, средства для похудения, которые не работают).

3. Этические проблемы, возникающие в результате человеческого взаимодействия (работодатель и работник, между коллегами, например, межпрофессиональный конфликт; политика собственника/работодателя; отсутствие уважения к коллегам; отсутствие хорошего ролевого моделирования и инициативы по обучению молодых специалистов; права пациента (например, неприкосновенность частной жизни/конфиденциальность).

4. Этические проблемы, возникающие из системы или структуры практики (барьеры, установленные институциональными властями; ограничения/проблемы при внедрении новых технологий; отсутствие пересмотра (обновления) этических кодексов; различные интерпретации кодексов этики; представления о том, что этические кодексы не имеют обязательной силы; законодательные или нормативные ограничения; смена парадигмы – новые научные знания).

Изложенное делает очевидным, что при регулировании национальной политики в фармацевтической сфере необходимо соблюдать баланс прав тех, кому нужна помощь, и тех, кто ее оказывает, учитывать правовую составляющую реализации данной деятельности.

Таким образом, наблюдается острая необходимость в регулировании возникающих проблем, затрагивающих этические вопросы.

Этический кодекс может охватывать различные аспекты аптечной практики, такие как непрерывность оказания медицинской помощи, отношения между фармацевтами, сохранение профессиональной тайны, а также отношения с пациентами и прочими медработниками, контакты с ними и донесение рекламной информации. В дополнение к этому этический кодекс может определять обязанности фармацевта и содержать положения, гарантирующие независимость профессиональной деятельности и ее направленность на поддержание здоровья, а не на получение коммерческой выгоды. В некоторых

странах этический кодекс, разработанный регулятором в области фармации, подлежит официальному утверждению министерством здравоохранения (или соответствующим государственным органом) и только после этого вступает в силу. Например, так обстоят дела в Бельгии, Монако и Франции.

Кодекс чести медицинских и фармацевтических работников Республики Казахстан (далее – Кодекс чести)¹, вступивший в силу в 2020 г., определяет моральную ответственность медицинских и фармацевтических работников за свою деятельность перед гражданами и обществом в целом. Он разработан с учетом принципов Всеобщей декларации прав человека (1948), Руководства по медицинской этике Всемирной медицинской ассоциации (2015) [1], Конституции Республики Казахстан (1995), Кодекса Республики Казахстан «О здоровье народа и системе здравоохранения» (2020). Кодекс чести определяет моральную ответственность медицинских и фармацевтических работников перед медицинским сообществом, гражданами и обществом в целом. Знание и соблюдение медицинскими и фармацевтическими работниками Кодекса чести является профессиональным долгом и одним из критериев качества профессиональной деятельности и корпоративной культуры.

Государства – участники ОЭСР на основе рекомендательных документов разрабатывают свою политику в области регулирования фармацевтической деятельности, учитывая ее особенности. Например, в США фармацевты стремятся получить полномочия принимать решения по уходу за пациентами, подотчетность за соблюдение стандартов и принятие на себя ответственности за результаты использования лекарств. Примеры инновационных фармацевтических услуг, которые получили значительную поддержку и получают компенсацию, включают управление медикаментозной терапией, введение вакцины и совместное управление лекарственной терапией. Распространенное восприятие фармацевтов как «контролеров затрат» или «исполнителей формул» препятствует их признанию в качестве поставщиков услуг по уходу за пациентами. В контексте реформы здравоохранения существует значительный интерес к модели «медицинского дома» для предоставления медицинских услуг, которая может предложить фармацевтам новые возможности для удовлетворения потребностей амбулаторных пациентов, связанных с использованием лекарств, в составе многопрофильных медицинских бригад².

¹ Об утверждении Кодекса чести медицинских и фармацевтических работников Республики Казахстан : приказ министра здравоохранения Республики Казахстан от 23.12.2020 № ҚР ДСМ-319/2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/V2000021890> (дата обращения: 18.09.2021).

² Глобальная конференция по фармацевтике и образованию в области фармацевтических наук [Электронный ресурс]. URL: <https://nanjing2016.fip.org/> (дата обращения: 18.09.2021).

Существуют специальные требования к фармацевтической деятельности и профессии в целом. В некоторых странах, например в Бельгии, фармацевт при регистрации обязан предоставить копию справки об отсутствии судимости. В других странах, в том числе во Франции, регуляторный орган, выдающий профессиональную лицензию, имеет прямой доступ к обобщенным данным криминалистического учета. В ряде стран, например в Турции, законодательно определены типы правонарушений, которые являются препятствием для осуществления профессиональной деятельности в сфере фармации. В нормативных актах Австрии среди прочих критериев указано, что вынесение приговора о лишении свободы сроком более одного года или совершение конкретных типов правонарушений несовместимы с фармацевтической практикой и не согласуются с ней.

Планы на будущее в отношении фармацевтических услуг включают определение роли «посредника» в сотрудничестве с врачами, роли в первичной медико-санитарной помощи и роли в комплексной помощи с местными практикующими врачами и связями телемедицины с более удаленными практикующими врачами. В Швейцарии аптечный рынок включает 485 независимых общественных аптек, 11 виртуальных сетей с 812 аптеками и 9 корпоративных сетей с 427 аптеками, а также несколько точек розничной торговли, которые продают лекарства, отпускаемые без рецепта, и аптеки с доставкой по почте.

Фармацевту необходимо иметь документ о профессиональной квалификации. Обычно это диплом, выданный аккредитованным университетом страны, в которой он предполагает осуществлять профессиональную деятельность. Также могут быть признаны документы о профессиональной квалификации, полученные в других странах. В этой связи наиболее распространенным методом является процедура автоматического признания, действующая в рамках Европейского экономического пространства (и Швейцарии), которая предусмотрена Директивой ЕС 2005/36 и перенесена в национальное законодательство. Помимо этого, некоторые страны заключили двусторонние соглашения, например Франция с провинцией Квебек, Канада.

Во многих странах фармацевты обязаны проходить курсы непрерывного обучения, что закреплено на законодательном уровне и/или предусмотрено этической нормой (которая входит в кодекс профессиональной этики фармацевтов)¹. Под непрерывным образованием понимается образование для взрослых учащихся после их выхода из формальной система образова-

¹ Continuing professional development/continuing education in pharmacy: global report [Непрерывное профессиональное развитие/непрерывное образование в сфере фармации: глобальный доклад] [Электронный ресурс]. URL: <https://docviewer.yandex.ru/view/28245995/?=en> (дата обращения: 18.09.2021).

ния, целью которого является поддержание их знаний и навыков. МФФ определяет непрерывное профессиональное развитие как «обязанность индивидуального фармацевта систематически поддерживать, развивать и расширять свои знания, умения и навыки для сохранения своей неизменной профессиональной компетентности на протяжении всей карьеры»¹. Это процесс отслеживания и документирования навыков, знаний и опыта, которые специалисты приобретают в формализованных и неформальных условиях в ходе своей трудовой деятельности помимо какой-либо начальной подготовки.

В Японии направляют усилия на установление стандартов для общественных аптек в контексте национальной политики по передаче лекарств от врачей к фармацевтам и в свете нового закона, отменяющего ограничение на продажу лекарств, отпускаемых без рецепта. В Японии сейчас есть три категории безрецептурных лекарств, классифицированных по безопасности. При этом только фармацевты могут продавать товары из первого списка, а продукты, включенные во второй и третий списки, могут также продаваться «зарегистрированными продавцами», имеющими сертификаты на уровне префектуры (фармацевты имеют лицензии на национальном уровне). Прилагаются усилия для поощрения фармацевтов к расширению и повышению своей роли в консультировании потребителей по лекарствам, отпускаемым без рецепта. Фармацевтам рекомендуется вести медицинские записи всех своих клиентов, действовать в соответствии с принципами фармацевтической помощи и соблюдать стандарты надлежащей фармацевтической практики.

МФФ на данный момент разработано три ключевых документа, направленных на перспективу дальнейшего развития трудовых ресурсов – профессиональных кадров – путем разработки стратегий и принципов, которые способствуют развитию, улучшению положения фармацевтических работников: Нанкинская декларация: глобальное видение в сфере образования и трудовых ресурсов, Цели в области развития трудовых ресурсов в фармацевтике, Нанкинские положения об образовании в области фармацевтики и фармацевтических наук.

В ноябре 2016 г. состоялась Глобальная конференция по фармацевтике и образованию в области фармацевтических наук «Создание глобального видения для трудовых ресурсов по всему миру». Она собрала лидеров фармацевтической деятельности со всего мира, чтобы определить будущие вехи для образования и повышения квалификации фармацевтов и ученых-фармацевтов, создавая глобальное видение трансформирующего образования в области фармацевтики и фармацевтических наук. В принятой на этой

¹ Нанкинская декларация: глобальное видение в области образования и трудовых ресурсов [Электронный ресурс]. URL: <https://www.fip.org/files/content/priority-areas/workforce/fip-global-vision-online-version.pdf> (дата обращения: 18.09.2021).

конференции Нанкинской декларации МФФ определила свою позицию, которая заключается в следующем:

1) сотрудничество с политиками по вопросам преобразования системы образования и обучения фармацевтических работников с целью улучшения ухода и результатов для пациентов, включая развитие науки о лекарствах;

2) признание важности обеспечения качества непрерывного обучения для фармацевтических работников по всему миру;

3) доступ к экспертным знаниям в области подготовки кадров и разработки инструментов поддержки, включая разработку систем анализа кадров и моделей планирования кадровых ресурсов. Сильные сотрудники в области фармацевтики и фармацевтических наук, поддерживаемые преобразующей образовательной практикой, смогут возглавить изменения, необходимые для обеспечения всеобщего доступа к качественным лекарствам и информации о лекарствах. Кроме того, фармацевтические кадры могут внести значительный вклад в надлежащее использование лекарств посредством исследований и активного участия в фармацевтической помощи, сотрудничества с пациентами и другими специалистами в области здравоохранения.

Профессиональная подготовка кадров фармацевтов подчиняется основным положениям Болонской декларации. Важно отметить, что европейский регион Всемирной организации здравоохранения – это 52 страны с населением более 930 млн человек. Фармацевтические кадры в странах СНГ представлены провизорами, в то время как в большинстве стран (кроме Финляндии) специалисты с высшим фармацевтическим образованием, в том числе с университетским, имеют квалификацию «фармацевт».

В большинстве стран Европы фармацевтических специалистов готовят фармацевтические учебные заведения или фармацевтические факультеты медицинских учебных заведений. Ведущими странами Европы по подготовке фармацевтических кадров являются: Германия – 16 фармацевтических факультетов, Франция – 24, Великобритания – 19, Испания – 15, Бельгия – 10, Польша – 10. Такие страны, как Ирландия, Люксембург, Мальта, Хорватия, Македония, Словения, Босния и Герцеговина, имеют только по одному высшему учебному заведению с фармацевтическим факультетом¹.

Интересно, что в британских и германских университетах при подготовке фармацевтов преподают фармацевтическое законодательство и правоведение, а во французских – фармацевтическое право. В большинстве учебных заведений Европы глубоко изучают фармацевтическое законодательство [2].

¹ Программа базового фармацевтического образования. Материалы ВОЗ [Электронный ресурс]. URL: [http:// www.provisor.com.ua/](http://www.provisor.com.ua/) (дата обращения: 18.09.2021).

В 2020 г. МФФ были приняты Цели развития, направленные на трансформацию мировой фармацевтики¹. В этот документ также были включены Цели в области развития трудовых ресурсов в фармацевтике (2016), которых на тот момент было 13. В новом документе была поставлена 21 цель, среди которых: академический потенциал, стратегия обучения в начале карьеры, гарантия качества, передовые и специализированные разработки, развитие компетенций и др. Цель 13 гласит: разработка политики включает в себя: «точные и управляемые стратегии для реализации всестороннего развития фармацевтических кадров с учетом потребностей на протяжении всего жизненного цикла профессиональной карьеры», а также «точные стратегии для разработки и реализации политики, основанной на потребностях и фактических данных, по внедрению, интеграции и вознаграждению услуг национальными политиками и приоритетами в области здравоохранения». Последнее подразумевает под собой следующее:

1) разрабатывать и внедрять политику и нормативные акты, которые отвечают потребностям пациентов и общества и, соответственно, расширяют сферу фармацевтической практики;

2) использовать инструменты политики и нормативные акты для поддержки и формирования фармацевтической практики во всех юрисдикциях и обеспечения адекватных рамок для реализации услуг, интеграции и вознаграждения;

3) разработать политику и механизмы для стимулирования и поощрения внутри- и межпрофессионального сотрудничества при оказании помощи;

4) внедрить системы обзора политики, которые измеряют обоснованность, актуальность, реализацию принятых политик;

5) разработать планы действий в чрезвычайных и непредвиденных ситуациях, чтобы расширить сферу деятельности в данных ситуациях.

Таким образом, помимо модернизации этических и социальных вопросов обозначается важность регулирования этих вопросов на законодательном уровне.

Кодекс чести медицинских и фармацевтических работников Республики Казахстан полностью соответствует современным критериям: непрерывное профессиональное развитие (п. 4 ст. 5), уважение личной жизни пациента и право на конфиденциальность (п. 2 ст. 6), отношения с коллегами (ст. 7), этические принципы (ст. 4), взаимоотношения между пациентами и фармацевтическими работниками и др. Кодекс регламентирует право медработников на достойную зарплату и обязанность противостоять коррупции.

¹ Цели развития: трансформация мировой фармацевтики [Электронный ресурс]. URL: <https://www.fip.org/file/4793> (дата обращения: 18.09.2021).

В документе перечислены основные обязанности медицинских и фармацевтических работников. В частности, они должны: обеспечивать максимальную безопасность оказания медицинской и фармацевтической помощи, действуя в пределах обоснованного риска, а также предотвращать действия третьих лиц, причиняющих какой-либо ущерб здоровью граждан; сообщать в уполномоченный орган о выявленных нежелательных эффектах при применении пациентами лекарственных препаратов; противостоять проявлениям коррупции и коррупционным отношениям между медицинскими и фармацевтическими работниками и другими физическими и юридическими лицами.

Законодатель предусмотрел, что медицинские и фармацевтические работники должны терпимо относиться к обоснованной и конструктивной критике, используя ее для повышения профессионализма, и осознавать, что права и обязанности как медицинского работника, так и пациента дополняют друг друга: пациенты несут ответственность за собственное здоровье, медицинский работник обязан оказывать медицинскую помощь в рамках, предусмотренных действующим законодательством.

Имеет большое значение, что в отношениях с коллегами медицинские и фармацевтические работники должны: не отказывать в бескорыстной помощи коллегам и сами обращаться за советом, если того потребуют интересы пациента; относиться друг к другу с уважением и доброжелательно, быть готовыми бескорыстно передавать свой опыт и знания; не допускать публичных негативных высказываний о своих коллегах и их работе, в том числе в присутствии пациентов и их родственников; сохранять уважение и благодарность к своим учителям в течение всей жизни и т. д.

Отмечается, что знание и соблюдение медицинскими и фармацевтическими работниками Кодекса чести является профессиональным долгом и одним из критериев качества профессиональной деятельности и корпоративной культуры. Факт несоблюдения положений Кодекса чести может рассматриваться этической комиссией медицинской организации, по итогам его рассмотрения к работнику могут быть применены меры воздействия. Соблюдение положений Кодекса чести учитывается при формировании кадрового резерва для выдвижения на вышестоящие должности, определения поощрений, а также при наложении дисциплинарных взысканий.

Проанализировав тенденции, которые преобладают на данный момент в сфере улучшения положения фармацевтических работников, и, как следствие, уровень оказываемых услуг, можно выделить, что приоритетными направлениями на данный момент являются образование, подготовка профессиональных фармацевтических кадров, повышение уровня соблюдения этических норм, модернизация законодательных актов государств в духе

времени. Система высшего фармацевтического образования в странах ОЭСР характеризуется различными подходами: страны Центральной и Восточной Европы и Скандинавии большое внимание уделяют химическим наукам; во Франции, Италии, Испании, странах английской фармацевтической школы предпочтение отдается медико-биологическим дисциплинам [2]. Стратегия развития профессиональной фармацевтической деятельности позволяет надеяться на соблюдение этической культуры, развитие систематических работ в этом направлении. Осознавая важность роли фармацевтических работников в реализации поставленных задач, а также в обеспечении полноценного и непрерывного развития фармацевтической деятельности, одним из приоритетных направлений деятельности МФФ является развитие кадрового потенциала, профессиональных трудовых ресурсов с учетом проблемных вопросов в этой сфере. За все годы своего существования данная организация добилась заметных успехов именно в продвижении профессии фармацевта, определении основных правил регулирования данной сферы, разработке определяющих принципов для их имплементации в национальные законодательства в области регулирования деятельности фармацевтических работников.

Список использованной литературы

1. Уильямс Дж.Р. Руководство по медицинской этике / под ред. Ю.М. Лопухина, Б.Г. Юдина, Л.А. Михайлова ; пер. с англ. Т.В. Булыгиной, Л.Л. Васильевой. М. : ГЭОТАР-Медиа, 2006. 128 с.
2. Буденкова Е.А., Литвинова Т.М. Анализ зарубежного опыта подготовки кадров для фармацевтической отрасли в Евросоюзе // Ремедиум. 2020. № 7-8. С. 4–7.

References

1. Williams R.J. Manual Medicine Ethic. World Health Communication Associates, 2005. 134 p. (Russ. ed.: Williams R.J.; Lopukhin YU.M., Yudin B.G. (eds.). Medical Ethics Guide. Moscow, GEOTAR-Media, 2006. 128 p.).
2. Budenkova E.A., Litvinova T.M. Analysis of foreign experience in training personnel for the pharmaceutical industry in the European Union. *Remedium*, 2020, no. 7-8, pp. 4–7. (In Russian).

Информация об авторе

*Тлепина Шолпан Валерьевна –
заведующая кафедрой
международного права
Евразийского национального
университета им. Л.Н. Гумилёва,
г. Нур-Султан, Республика
Казахстан; tlepina_shv@enu.kz*

Для цитирования

Тлепина Ш.В. Современные тенденции в правовом регулировании деятельности фармацевтических работников // Вестник Института права Башкирского государственного университета. 2021. № 3. С. 78–90. DOI 10.33184/vest-law-bsu-2021.11.10.

Information about the Author

*Tlepina Sholpan Valeryevna –
Head of the Chair of International
Law, L.N. Gumilyov Eurasian National
University, Nur-Sultan, Kazakhstan;
tlepina_shv@enu.kz*

For citation

Tlepina SH.V. Current Trends in the Legal Regulation of the Pharmaceutical Workers Activities. *Vestnik Instituta prava Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta* = *Bulletin of the Institute of Law of the Bashkir State University*, 2021, no. 3, pp. 78–90. DOI 10.33184/vest-law-bsu-2021.11.10. (In Russian).

**АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО;
АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ПРОЦЕСС**

ADMINISTRATIVE LAW; ADMINISTRATIVE PROCEDURE

УДК 351.811.12(470)

DOI 10.33184/vest-law-bsu-2021.11.11

Д. Р. Мамлеева

**ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИНСПЕКЦИИ БЕЗОПАСНОСТИ
ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ МИНИСТЕРСТВА
ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИИ**

Дата поступления 20 сентября 2021 г.

В статье рассматриваются особенности организации и основные направления деятельности Государственной инспекции безопасности дорожного движения, анализируются основополагающие нормативные правовые акты, регламентирующие деятельность данного подразделения Министерства внутренних дел России. Представлены результаты деятельности подразделений по обеспечению безопасности дорожного движения территориальных органов внутренних дел на региональном уровне.

Ключевые слова и фразы: безопасность движения; дорожно-транспортное происшествие; надзор; административная ответственность; охрана правопорядка.

D. R. Mamleeva

**THE RUSSIAN STATE ROAD SAFETY INSPECTORATE
OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS:
ORGANIZATIONAL AND LEGAL FRAMEWORK**

The article deals with the characteristics of the organization and the core work of the State Road Safety Inspectorate, the basic legal and regulatory acts that regulate the activities of this unit of the Ministry of Internal Affairs are ana-

lysed. The results of the activities of regional internal affairs agencies' road safety units are presented.

Keywords and phrases: traffic safety; traffic accident; supervision; administrative liability; law enforcement.

Проблема обеспечения безопасности на дорогах на протяжении многих лет была и остается предметом пристального внимания со стороны государства и общества. В структуре государственного аппарата сформирована целая система органов управления, основное предназначение которых – противодействие деяниям и явлениям, создающим угрозу жизни и здоровью населения. Среди таких органов, непосредственно участвующих в обеспечении безопасности и охране правопорядка, в том числе в сфере безопасности дорожного движения, особое место отведено МВД России. Как отметил Президент РФ, это ведомство занимает ключевое место в правоохранительной системе страны. На нем лежит ответственность за обеспечение общественного порядка, безопасности дорожного движения, сохранение стабильности в обществе.

Федеральным законом «О полиции» определены следующие основные функции полиции в сфере обеспечения безопасности дорожного движения: принятие и регистрация сообщений и заявлений о дорожно-транспортных происшествиях; незамедлительное прибытие на место происшествия и последующее оформление необходимых процессуальных и служебных документов; регулирование дорожного движения; предупреждение и пресечение административных правонарушений; осуществление производства по делам об административных правонарушениях в области безопасности дорожного движения; розыск лиц, скрывшихся с места дорожно-транспортного происшествия, и др.¹

В системе органов внутренних дел основным субъектом государственного контроля в рассматриваемой сфере является Государственная инспекция безопасности дорожного движения (ГИБДД), выполняющая целый комплекс задач и функций, относящихся в целом ко всей государственной системе обеспечения безопасности дорожного движения. Нельзя не отметить, что на современном этапе развития транспортного права многие ученые и представители правоохранительных органов отмечают излишнюю функциональную перегруженность ГИБДД, выполнение помимо прямых надзорных обязанностей еще и управленческих функций межведомственного характера.

Поддержание надлежащего состояния безопасности дорожного движения, безопасность пешеходов и пассажиров, интенсивность развития транспортной системы и многое другое, непосредственно связанное с дея-

¹ О полиции : федер. закон 07.02.2011 № 3-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2011. № 7, ст. 900.

тельностью ГИБДД, определяет множество трудностей в осуществляемой подразделением деятельности. В последние годы Президент и Правительство РФ принимали различные меры с целью усиления контроля в сфере обеспечения безопасности дорожного движения, что отчасти способствовало незначительному улучшению состояния дорожной безопасности, в том числе снижению количества дорожно-транспортных происшествий [1, с. 215].

Проанализировав основные направления деятельности ГИБДД, следует заключить, что в совокупности своих полномочий данные подразделения обеспечивают безопасность дорожного движения посредством реализации контрольно-надзорной и административно-юрисдикционной деятельности, предоставления отдельных государственных услуг в подведомственной сфере. Таким образом, специфичность компетенций ГИБДД отражается в содержании ее деятельности, ее сути.

Анализ правовых основ деятельности подразделений ГИБДД позволил выделить следующие основные направления: надзор за дорожным движением; контроль за техническим состоянием транспортных средств и содержанием автомобильных дорог, улиц, дорожных сооружений; выявление, пресечение нарушений правил дорожного движения; регистрация и учет транспортных средств, реализация производства по делам об административных правонарушениях, в том числе привлечение к административной ответственности; экзаменационно-регистрационная работа, контроль за подготовкой водителей; организационно-аналитическая работа; пропаганда безопасности дорожного движения. Вкратце рассмотрим некоторые из названных направлений.

Автомобильный транспорт характеризуется как особый стратегически важный объект, который был и остается самым опасным видом транспорта. Доказательство тому – всевозможные сводки происшествий, количество жертв и размер ущерба от которых существенно превосходит аналогичные показатели на иных видах транспорта. В этой связи реализация контрольных функции в рамках соблюдения всеми участниками дорожного движения действующих правил и иных предписаний признается одним из важнейших направлений деятельности органов управления. Сущность же контрольно-надзорной деятельности ГИБДД в сфере дорожного движения заключается в систематическом наблюдении за процессом движения с участием пешеходов, водителей и (или) пассажиров транспортных средств, что способствует своевременному выявлению и пресечению нарушений установленных правил, привлечению виновных лиц к административной ответственности.

Нельзя не отметить, что эффективность реализации контрольно-надзорных функций в сфере обеспечения безопасности дорожного движения в значительной степени зависит от возможности применения сотрудниками ГИБДД мер принудительного воздействия к правонарушителям. Так, в

соответствии с КоАП РФ и Федеральным законом «О полиции» в целях обеспечения безопасности дорожного движения сотрудники полиции имеют право проверять документы, идентификационные номера, техническое состояние транспортного средства; останавливать транспортное средство при наличии на то оснований, предусмотренных законодательством; направлять водителей на медицинское освидетельствование, отстранять их от управления транспортным средством, а также применять иные меры административного воздействия, так или иначе ограничивающие права человека.

Оценивая современную ситуацию, складывающуюся на дорогах, можно заключить, что характеризуется она достаточно высокой интенсивностью дорожного движения, большим количеством транспортных средств, участием огромного количества людей, что само по себе допускает возможность возникновения дорожно-транспортных происшествий. В этой связи деятельность подразделений ГИБДД по обеспечению безопасности дорожного движения является первостепенной и по своей сути многоплановой.

В данном контексте несомненный интерес представляет положительный опыт деятельности подразделений по обеспечению безопасности дорожного движения территориальных органов внутренних дел на региональном уровне. На основе анализа статистических материалов рассмотрим основные направления деятельности Управления ГИБДД МВД по Республике Башкортостан (далее – УГИБДД МВД по РБ).

В зоне ответственности УГИБДД МВД по РБ находится 15 подразделений: Кумертау, Белебеевского, Бирского, Мелеузовского, Туймазинского, Абзелиловского, Архангельского, Баймакского, Гафурийского, Зилаирского, Мечетлинского, Салаватского, Уфимского, Чекмагушевского, Шаранского районов, где, к слову сказать, наблюдается рост числа погибших в дорожно-транспортных происшествиях. Так, в первом полугодии текущего года на территории Республики Башкортостан зарегистрировано 913 дорожно-транспортных происшествий (со смертельным исходом – 102). При этом основными видами дорожно-транспортных происшествий были: столкновение – 365, наезды – 207. Непосредственно на пешеходных переходах совершено 78 дорожно-транспортных происшествий. Рост данного вида дорожно-транспортных происшествий отмечен на территории Октябрьского (+33,3 %), Сибая (+50 %), Стерлитамака (+8,3 %), Кумертау (+200 %), Межгорья (+1), Белебеевского (+40 %) и Мелеузовского (+4) районов.

Увеличение дорожно-транспортных происшествий отмечено в Нефтекамске, Белорецком, Баймакском, Иглинском, Кугарчинском, Мишкинском, Янаульском районах.

За истекший период с участием детей и подростков зарегистрировано 83 дорожно-транспортных происшествия (со смертельным исходом – 8).

Увеличение числа таких происшествий отмечается в Уфе (+33,3 %), Октябрьском (+100 %), Сибее (+1), Стерлитамаке (+50 %), Кумертау (+1), Межгорье (+1), Белебеевском (+100 %), Учалинском (+1) и других районах.

Из-за нарушений правил дорожного движения водителями пассажирского автотранспорта совершено 30 дорожно-транспортных происшествий (+15,4 %), в которых погибло 5 человек, получили ранения – 71 человек.

Наибольшее число участников дорожного движения погибло при столкновениях – 61 (+38,6 %) (71,8 % от общего числа погибших по республике). Рост данных происшествий зарегистрирован в Уфе (+400 %), Кумертау (+4 %), Белебеевском (+100 %), Бирском (+150 %), Мелеузовском (+2 %), Туймазинском (+6 %), Абзелиловском (+2 %), Архангельском (+100 %), Баймакском (+1 %) и Благоварском (+1) районах. В Кумертау, Баймакском, Зилаирском, Чекмагушевском районах зарегистрирован рост всех основных показателей аварийности (количество дорожно-транспортных происшествий, погибшие, раненые).

Неудовлетворительное состояние улиц и дорог также является прямой либо сопутствующей причиной дорожно-транспортных происшествий. Так, вследствие указанной причины на территории Республики Башкортостан за анализируемый период произошло 351 (-37,8 %) дорожно-транспортное происшествие, тяжесть последствий составила 6,7 погибших на 100 пострадавших.

За четыре месяца текущего года УГИБДД МВД по РБ проделана значительная работа. Так, в первом квартале текущего года выявлено 609 279 административных правонарушений, из них грубых – 19 242. За указанный период сотрудниками ГИБДД осуществлено 474 936 доставлений в территориальные органы на районном уровне. С участием сотрудников УГИБДД МВД по РБ судебные органы лишили 1133 водителя права управлять транспортными средствами. Выписано 907 постановлений о назначении административного ареста и 366 постановлений о наложении штрафа¹.

С целью предупреждения и пресечения административных правонарушений и преступлений, охраны правопорядка ежемесячно по итогам работы за отчетный период УГИБДД МВД по РБ проводится анализ направленности административной деятельности с выработкой решений по совершенствованию деятельности данных подразделений.

Таким образом, подводя краткий итог сказанному, хочется отметить, что решение проблемы обеспечения безопасности дорожного движения во многом лежит в плоскости повышения эффективности контрольно-надзорной деятельности ГИБДД МВД России, так как одним из главных источни-

¹ Показатели состояния безопасности дорожного движения [Электронный ресурс] // Офиц. сайт Госавтоинспекции Республики Башкортостан. URL: <http://stat.gibdd.ru/> (дата обращения: 01.09.2021).

ков опасности для безопасности дорожного движения и его участников является несоблюдение установленных законодательством предписаний.

Список использованной литературы

1. Капранова Ю.В., Овсепян Г.М. Деятельность государственной инспекции безопасности дорожного движения МВД России как субъекта обеспечения национальной безопасности // Уч. зап. Крымск. федер. ун-та им. В.И. Вернадского. Сер.: Юридические науки. 2020. Т. 6 (72), № 3. С. 213–220.

References

1. Kapranova YU.V., Ovsepyan G.M. Activity of the State Inspection of the Road of the Ministry of Internal Affairs of Russia as a Subject of Ensuring National Security. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Seriya: YUridicheskie nauki = Scientific Notes of V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical Science*, 2020, vol. 6 (72), no. 3, pp. 213–220. (In Russian).

Информация об авторе

Мамлеева Дилара Радиковна – кандидат юридических наук, доцент кафедры административно-правовых дисциплин Уфимского юридического института МВД России, г. Уфа; ailara-dilara@mail.ru

Information about the Author

Mamleeva Dilara Radikovna – Candidate of Sciences (Law), Assistant Professor of the Chair of Administrative and Legal Disciplines, Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Ufa; ailara-dilara@mailru

Для цитирования

Мамлеева Д.Р. Организационно-правовые основы деятельности Государственной инспекции безопасности дорожного движения Министерства внутренних дел России // Вестник Института права Башкирского государственного университета. 2021. № 3. С. 90–96. DOI 10.33184/vest-law-bsu-2021.11.11.

For citation

Mamleeva D.R. The Russian State Road Safety Inspectorate of the Ministry of Internal Affairs: Organizational and Legal Framework. *Vestnik Instituta prava Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Institute of Law of the Bashkir State Uversity*, 2021, no. 2, pp. 90–96. DOI 10.33184/vest-law-bsu-2021.11.11. (In Russian).

УДК 342

DOI 10.33184/vest-law-bsu-2021.11.12

Н. С. Рыльская

**ЭВОЛЮЦИЯ ОКРУГА
КАК АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ЕДИНИЦЫ
ГОСУДАРСТВЕННОГО УСТРОЙСТВА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ
(ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ)**

Дата поступления 20 сентября 2021 г.

В статье исследуется вопрос об административно-территориальном устройстве Российской Империи начиная с Петровских реформ 1708 г. Отдельное внимание уделяется появлению, становлению и развитию округа как самостоятельной административно-территориальной единицы. Сравниваются проводимые Екатериной II реформы и отдельные агломерационные процессы, происходящие на современном этапе.

Ключевые слова и фразы: административно-территориальное устройство; государственное устройство; Российская Империя; губерния; провинция; округ; агломерация; местное самоуправление; полномочия.

N. S. Rylskaya

**DISTRICT EVOLUTION
AS AN ADMINISTRATIVE TERRITORIAL UNIT
OF THE RUSSIAN EMPIRE STATE STRUCTURE
(LEGAL HISTORICAL ASPECT)**

The paper deals with the question of the administrative and territorial organization of the Russian Empire since the Petrine reforms of 1708. A special attention is paid to the formation and development of the district as an autonomous administrative and territorial unit. A comparison is made between the reforms carried out by Catherine II and the individual agglomeration processes taking place at the present day.

Keywords and phrases: administrative and territorial organization; State organization; Russian Empire; governorate; province; district; agglomeration; local self-government; powers.

Рассматривая вопрос о возникновении округа, необходимо отметить, что в недалеком прошлом такой самостоятельной, отдельной административно-территориальной единицы в российском государственном устройстве не существовало.

В процессе становления административно-территориальное устройство российского государства претерпевало изменения в ходе проводимых реформ, связанных с управлением территориями, при этом процесс изменения границ территорий продолжается до настоящего времени. Чаще всего в научной среде он обозначается возникшим сравнительно недавно термином «агломерация»¹. Рассмотрим основные этапы эволюции округа начиная с 1708 г.

До Петровской реформы 1708 г., известной как Областная реформа Петра I [1, с. 36–37], на территории России были уезды, уделы, разряды, приказы, чети. Указанные территории были сформированы стихийно и по размерам значительно отличались друг от друга. Экономическое, социальное и правовое регулирование территорий также не было однородным и имело специфические особенности для каждой из них. Количественный состав территорий в начале XVII в. не превышал 166 единиц.

Указом Петра I от 18 декабря 1708 г. (в научной литературе известен как первая Петровская реформа) в Российской Империи были образованы восемь губерний: Азовская (в составе 77 городов), Архангелогородская (в составе 20 городов), Ингерманландская (в составе 29 городов), Казанская (в составе 71 город), Киевская (в составе 56 городов), Московская (в составе 39 городов), Сибирская (в составе 30 городов), Смоленская (в составе 17 городов). Особенностью указанных губерний являлось то, что они состояли из городов и сопряженных с ними территорий, а не уездов. Впоследствии, к 1713 г., губернии были территориально разделены на доли под управлением ландратов. При этом процесс образования территорий не прекращался. Так, в 1713 г. была образована Рижская губерния, в связи с чем Смоленская губерния была упразднена, а ее территория присоединена к Московской и Рижской губерниям. В 1714 г. в составе Российской Империи было уже 9 губерний.

Однако такое административно-территориальное деление не устраивало Петра I, поскольку по-прежнему не решало задачи равномерного разделения территорий с целью надлежащего социально-экономического развития страны, и Петром I за основу формирования нового административно-территориального устройства была взята шведская модель территориального устройства.

¹ Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года : распоряжение Правительства РФ от 13.02.2019 № 207-р (ред. от 23.03.2021) [Электронный ресурс] // Офиц. интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 19.08.2021).

В Швеции разделение территорий опиралось на области, которые делились на кирхшпиль (приход) – низшая ступень; герад (округ, объединявший до 1000 сельских дворов) – средняя ступень; ландсгевдингство – высшая ступень управления территориями. Управляли территориями в зависимости от их статуса кирхшпиль-фохт, герадс-фохт и ландсгевдин.

В процессе обсуждения модели шведского территориального устройства члены Сената исходили из особенностей территориального устройства Империи и ее населения. В итоге решением Сената, утвержденным 26 ноября 1718 г. Указом Петра I, были введены два шведских территориальных деления – герад и ландсгевдингство. Герад именовался дистриктом, а ландсгевдингство – провинцией. Сенат не включил в состав нового территориального устройства Российской Империи кирхшпили, так как посчитал, что низкий уровень развития крестьянства не позволит реализовать территориальную модель надлежащим образом. Для дистриктов предполагалась численность населения в 2000 крестьянских дворов. Указом был назначен год для окончательного устройства нового областного управления.

Таким образом, несмотря на сходство со шведской моделью территориального устройства, российское административно-территориальное деление обладало своей самобытностью, обусловленной спецификой государственного устройства. Вместе с тем впервые в составе территории появляется дистрикт (округ), обладающий признаком территории для округа в составе другой административно-территориальной единицы – провинции – количество крестьянских дворов до 2000.

С Указа Петра I от 29 мая 1719 г. начинается вторая Петровская реформа, в результате которой упраздняются доли, губернии разделяются на провинции, а провинции на дистрикты. В Указе провинции – это высшая ступень управления территориями на уровне области, при этом сохраняются губернии как военные округа. Военным округом руководил губернатор, а провинцией – воевода. Провинциальный воевода не подчинялся губернатору напрямую, но подчинялся ему как высшему военному руководству. Позднее, с 1722 г., воевода становится представителем провинциального суда, а губернатор – председателем надворного суда. Надворный суд являлся коллегиальным органом, представляемым губернатором. Воевода подчинялся надворному суду.

При этом, по нашему мнению, усматривается два статуса округа в проводимой реформе. С одной стороны, низшей территориальной единицей в провинции является дистрикт (округ). С другой стороны, наряду с высшей ступенью управления территориями выступает губерния как военный округ. И дистрикт, и губерния являются округами с разными территориальными и

правовыми статусами, что содержит в себе определенное противоречие в организации структуры управления территориями.

В рамках реализации Указа в июле 1719 г. «пилотной» губернией становится Санкт-Петербург. В составе губернии образуются 11 провинций, каждая из которых делилась на дистрикты, состоящие в среднем из 1500–2000 дворов. В составе 11 провинций было 39 городов.

С 1720 г. и другие 10 губерний, за исключением Астраханской и Ревельской, обязаны были разделиться на провинции и дистрикты. Так в 9 губерниях было образовано 47 провинций.

Управлял каждым дистриктом земский комиссар. В структуру управления дистриктами также входили подьячий и рассыльные. Земские комиссары выполняли функции по повышению благосостояния и культурного облика дистрикта, ведали вопросами полиции, зачастую возглавляли ее. К их полномочиям относились также вопросы оказания содействия судебной власти, вопросы дорожной деятельности, сборы различных повинностей с населения. Земский комиссар выполнял свои функции с помощью населения, ему оказывали содействие избранные на местах сотские и десятские старосты. Особым правовым статусом обладали новые административно-территориальные единицы – полковые дистрикты, возникшие в 1724 г. после Военной реформы. В структуру управления провинции входили: воевода, канцелярия, финансовое управление, казначей, землемер, тюремный староста, фискальный орган и др.

Таким образом, к признакам округа (дистрикта) добавляется, помимо численности дворов, лицо, управляющее им – земский комиссар, и исполнители – рассыльные, старосты. Присутствуют административные органы: полиция, суд. Также реализуются функции управления территорией: сбор повинностей, ремонт дорог, мостов, благоустройство, просвещение населения. В совокупности указанных признаков, по нашему мнению, усматриваются первые признаки будущих органов местного самоуправления, созданных в более позднее время.

В результате реформы 1727 г. образуются новые губернии, например Белгородская, уменьшается Петербургская губерния (до двух провинций), преобразуется Московская губерния. Наряду с изменением высшей ступени административно-территориального управления происходит ликвидация дистриктов, губернии делятся на провинции и уезды. В процессе реформы порядка 166 уездов были восстановлены как центры с административной и судебной функцией. Структура управления уездов была схожа либо дублировала структуру управления дистриктами. Уезды могли быть как в городах, так и в селах. Поскольку уезды были фактически преобразованы в процессе ликвидации из дистриктов и являлись частью губернии в составе админист-

ративного центра города или села, то для удобства их обозначения среди населения их начинают именовать округами, то есть «окружающая, прилегающая к чему-либо местность» [2].

Характерной особенностью реализации реформы 1727 г. является административно-территориальное дробление. Так, вместо 14 губерний и порядка 250 уездов в начале реформы уже к 1744–1745 гг. в Российской Империи образовано 16 губерний и порядка 300 уездов¹.

Несмотря на необходимость ликвидации дистриктов, прибалтийские территории, такие как Ревельская, Рижская, Санкт-Петербургская губернии, к 1745 г. не разделялись на провинции и уезды, а сохранили административно-территориальную единицу в форме дистрикта.

Таким образом, в отличие от дистриктов уезд являлся непосредственной частью губернии и определялся уже не количеством дворов в составе провинции, а территориальной принадлежностью к той или иной губернии, выполняемыми административно-судебными функциями, что свидетельствовало об изменении сущности округа.

Последующие реформы, проводимые при Екатерине II в период с 1775 по 1785 г., осуществлялись в рамках Закона от 7 ноября 1775 г. «Учреждения для управления губерний». В административно-территориальном устройстве Империи по-прежнему наблюдается разукрупнение губерний, уменьшение их территорий. Реформа ликвидировала провинции. В некоторых вновь создаваемых губерниях, например Ярославской, Костромской, Тамбовской, образуются области. Прежние губернии именуются наместничеством. Появляется новый признак административно-территориального устройства – учет вида территории по количеству проживающих жителей. Так, для того чтобы отнести административно-территориальную единицу к губернии, необходимо, чтобы на территории проживало не менее 400 тыс. человек. Для отнесения территории к уезду (округу) необходимо было население численностью не менее 30 тыс. человек. Как правило, уезды прибавлялись к вновь образуемым наместничествам в виде областей. Подобным примером может быть Оренбургская губерния, ставшая в рамках реформы Уфимским наместничеством, к которому был присоединен Челябинский уезд Пермского наместничества. Итогом такого преобразования стало появление двух новых областей – Уфимской и Оренбургской.

Итогом реализации реформы явилось административно-территориальное устройство Империи, состоявшее из подавляющего большинства бывших и вновь образованных губерний, наместничеств (50 единиц) и одной

¹ Административно-территориальное деление Российской Империи [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rusempire.ru/rossijskaya-imperiya/administrativno-territorialnoe-delenie-rossijskoj-imperii.html> (дата обращения: 19.08.2021).

области. Учет уездов (округов) практически не велся, так как они, будучи ранее самостоятельными административно-территориальными единицами, поглощались более крупными территориальными единицами высшего звена, что свидетельствовало о процессе огосударствления местного самоуправления.

По нашему мнению, проводимые в настоящее время в Российской Федерации агломерационные преобразования территорий по сути схожи с реформой Екатерины II по преобразованию территорий путем их объединения и разъединения на основе численности населения. Такое мнение обусловлено, прежде всего, тем, что начавшийся с Петровской реформы 1708 г. процесс преобразования территорий разделял административно-территориальное устройство Империи на два ключевых звена управления: высшее – провинция, низшее – дистрикт (округ), что соотносилось с особенностями территориального устройства страны и ее населения в момент реализации указанного подхода к формированию территорий. В округе основные представительские функции выполнял земский комиссар, на уровне провинции – воевода, на уровне губернии как самостоятельного округа, не дистрикта, – губернатор. Проводимая Пером I реформа не была травмирующей для населения, так как была понятна и не изменяла привычный уклад жизни.

Проводимые Екатериной II реформы по преобразованию территорий отодвинули на второй план привычное административно-территориальное деление, за основу был взят принцип количества проживающего населения на конкретной территории. Законом от 7 ноября 1775 г. «Учреждения для управления губерний» были созданы административно-территориальные единицы нового типа. Они кардинально изменили территориальную организацию в Империи, отодвинули на второй план уезды (округа) как первичное звено местного самоуправления. С одной стороны, поглощая уезды и объединяя их в наместничества, а впоследствии в области, внешне происходило создание новых административно-территориальных единиц, но фактически территории бывших губерний, уездов оставались прежними, с прежним количеством жителей и существующим укладом, границы менялись только на бумаге.

Аналогичные процессы происходят и на современном этапе. По мнению Е.С. Шугриной, в ежегодном мониторинге состояния местного самоуправления, проводимом Минюстом России, регулярно приводятся сведения о количестве укрупненных муниципальных образований, а также преобразованиях муниципальных районов в городские округа. Такой вариант удобен для целей централизации полномочий, сокращения количества управленческих уровней, задействованных в принятии решений. Проблема в том, что территории таких муниципальных образований не совпадают с террито-

риями агломераций. Анализ фактических обстоятельств, связанных с такими преобразованиями, показывает, что при принятии соответствующих решений об агломерациях преследовались совершенно иные цели [3, с. 41].

Последующие административно-территориальные изменения, происходившие в Российской Империи, по нашему мнению, частично сохраняли заложенную ранее шведскую территориальную модель преобразования территории – высшие и низшие единицы управления. По-прежнему образовывались, упразднялись, изменялись в количественном составе административно-территориальные единицы высшего управления территорией: губернии, области. Местами сохранялись низшие единицы территориального управления – уезды (округа), оставляя одним из основных критериев численность населения как определяющий фактор формирования той или иной территориальной единицы.

Список использованной литературы

1. Памятники русского права. Вып. 8. Законодательные акты Петра I. Первая четверть XVIII в. / под ред. К.А. Софроненко. М. : Госюриздат, 1961. 667 с.
2. Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М. : Рус. яз. : Полиграфресурсы, 1999. Т. 2. URL: <https://obuchalka.org/20190828113443/slovar-russkogo-yazyka-v-4-h-t-evgenevoi-a-p-1999.html>.
3. Шугрина Е.С. Модели управления российскими агломерациями // Государственная власть и местное самоуправление. 2018. № 2. С. 39–43.

References

1. Sofronenko K.A. (ed.). *Pamyatniki russkogo prava* [Monuments of Russian Law]. Moscow, State Publishing House of Legal Literature, 1961, iss. 8. 667 p.
2. Evgenieva A.P. (ed.). *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian Language]. 4th ed. Moscow, Russian Language Publ., Polygraphresursy Publ., 1999, vol. 2. Available at: <https://obuchalka.org/20190828113443/slovar-russkogo-yazyka-v-4-h-t-evgenevoi-a-p-1999.html>.
3. Shugrina E.S. Models of Russian Agglomerations Management. *Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie = State Power and Local Self-Government*, 2018, no. 2, pp. 39–43. (In Russian).

Информация об авторе

Рыльская Надежда Сергеевна – преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин Челябинского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, г. Челябинск; rylskaya_ns@mail.ru

Для цитирования

Рыльская Н.С. Эволюция округа как административно-территориальной единицы государственного устройства Российской Империи (историко-правовой аспект) // Вестник Института права Башкирского государственного университета. 2021. № 3. С. 97–104. DOI 10.33184/vest-law-bsu-2021.11.12.

Information about the Author

Rylskaya Nadezhda Sergeyevna – Instructor of the chair of State-Legal Disciplines, Chelyabinsk branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Chelyabinsk; rylskaya_ns@mail.ru

For citation

Rylskaya N.S. District Evolution as an Administrative Territorial Unit of the Russian Empire State Structure (Legal Historical Aspect). *Vestnik Instituta prava Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Institute of Law of the Bashkir State University*, 2021, no. 2, pp. 97–104. DOI 10.33184/vest-law-bsu-2021.11.12. (In Russian).